И. БАШКИРЦЕВ

ЖИЗНЬ ИЗМЯТАЯ

МЮНХЕН

И. БАШКИРЦЕВ

Жизнь измятая

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЮНХЕН
1970

Gesamtherstellung: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

ГЛАВА I

Сегодня начало учебного года. В учительской средней школы станицы Андреевской собрались учителя. Учеников еще нет, они придут только через несколько дней, но начальство приказало готовиться к их приходу. Как готовиться и почему, — мало кто знал, не знал этого и Бурин. Он сидел на диване и скучал. Николай Васильевич Артов, завуч, сидел за письменным столом и делал вид, что очень занят. Он преподавал русский язык и литературу и был единственным, кроме Бурина, преподавателем имевшим специальное образование. Завуч, как и почти все преподаватели школы, был беспартийным и именно поэтому особенно старательно показывал свое стремление выполнять указания партии и правительства. На углу стола завуча разложил свои тетради Сергей Кондратьевич Миртоп и всем своим видом показывал как он занят нужным делом. Он преподавал физику и всей своей внешностью, не то цыгана, не то еврея, показывал свою значимость и солидность. На стульях вдоль стен и на диване разместились остальные и более или менее откровенно скучали. Единственное, что им действительно нужно было сделать, прийти к восьми часам, они сделали и теперь оставалось только ждать, пока стрелки часов доползут

до часу и можно будет идти домой. Сейчас стрелки показывали только половину девятого.

Бурину надоело сидеть, он встал и подошел к окну выходящему в сад. Увидел отягощенные плодами яблони и груши, заросшие по бокам травой дорожки со стоящими возле них скамьями и на одной из них молодую женщину, скорее девушку, с сумочкой в руках. Она сидела, как сидят в привокзальных садиках люди ожидающие позд.

«Кто такая, — подумал Бурин, — и что тут делает? На станичницу не похожа». И вполголоса спросил сидевшую недалеко от окна учительницу:

— Не знаете ли вы, кто там в саду сидит?

— В саду? . . . — полусонно сказала та и . . . сообразив что представляется возможность развлечься подошла к окну.

— Вон там, на скамейке, — показал Бурин.

— Да, да, вижу. А кто это — не знаю. Нездешняя.

Последние слова разбудили любопытство скучавших и через минуту все, кроме завуча и Миртопа, были у окна.

Завуч, долго и упорно старавшийся делать вид, что ничего не замечает, не мог уже дальше делать это и строго сказал:

— Товарищи! Делом нужно заниматься! . . . — и, не сумев побороть любопытство, добавил: — Ну, что там, необыкновенное?

— Да какая-то женщина, нездешняя, сидит, — затараторила молоденькая учительница. — Совсем незнакомая . . .

— Ну и что ж, что незнакомая? — перебил завуч, вспомнив «указание партии и правительства». — Сидит и пусть сидит . . . Нам нужно делом заниматься! — и, совершенно неожиданно встал и подошел к окну.

— И впрямь незнакомая, — сказал он и сделав строгое лицо, добавил: — А все-таки, нечего нам ее разглядывать. Давайте работать!

— Как нечего? — спросил внезапно очутившийся возле окна Миртоп. — А чего она в *нашем* саду сидит? Надо узнать!

Все хорошо знали дон-жуанские наклонности Миртопа и лукаво переглянулись, а завуч, улыбнувшись, сказал:

— Конечно, Сергей Кондратьевич, тебе *нужно обязательно* это узнать. Пойди, пойди!

Миртоп немедленно направился к двери. Вот он показался в саду, подошел к незнакомке, галантно поклонился и что-то сказал. Незнакомка ответила. Миртоп вдруг зажестикулировал, заговорил. Незнакомка встала и пошла рядом с Миртопом к школе.

В учительской заспешили к своим местам, только Бурин остался у окна.

Дверь открылась и Миртоп, придерживая ее рукой и пропуская вперед молоденькую хорошенькую девушку, возгласил:

— Товарищи! Принимайте новую коллегу!

Завуч посмотрел на смутившуюся девушку и хорошо улыбнулся.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! — вставая сказал он. — Заведующий учебной частью, Николай Васильевич Артов.

— Нина Петровна Брик, — ответила вошедшая. — Районо назначил меня в вашу школу . . .

— Знаю, знаю! — сказал завуч. — Я ждал вас. Познакомьтесь с коллегами.

Пожав всем руки Нина Петровна подошла к столу завуча и выжидательно остановилась.

— Ну вот, Нина Петровна, — начал завуч, — будем вместе работать. Давайте ваше направление.

Взяв направление прочел его и, опять улыбаясь, заговорил:

— Вот и хорошо, хорошо . . . — вдруг замолчал, посмотрел на Нину Петровну, потом взял опять направление и прочел. Улыбка исчезла. На лице отразились смущение, недоумение и, наконец, раздражение. Совершенно неожиданно сказал: — Я должен наложить на вас взыскание.

Нина Петровна растерянно уставилась на завуча. В учительской стало тихо.

— За что? — спросила наконец Нина Петровна.

Завуч не глядя на нее и делая холодно-официальное лицо, ответил:

— За игнорирование указа партии и правительства!

— Какого указа?!

— Указа о своевременной явке на работу. Вы должны были явиться на работу в восемь часов, а сейчас уже почти девять. Вы опоздали на работу.

— Как опоздала? Да я больше часа сидела в саду!

— То что вы в саду сидели меня не касается. Вы должны были явиться ко мне, в учительскую.

— Да я и не знала где она . . .

— Так нужно было узнать!

— Как узнала, так и пришла, — сердито сказала Нина Петровна. — Да еще и занятий нет. На какую работу я опоздала? Вы что, не подумавши говорите или серьезно?

— Я говорю серьезно! Думать мне не о чем. Лучше вы подумайте о том, что натворили. Мне надо о вашем опоздании доложить директору, пусть он решает.

— Нечего ему решать! — покраснев воскликнула Нина Петровна. — Глупости какие! Опоздала?! . .

— Будьте сдержанней в выражениях! — перебил завуч. — Вам, комсомолке, — Бурину показалось, что в голосе завуча есть скрытое злорадство, — нужно хороший пример показывать, а вы . . . указ нарушаете.

— С таким . . . — начала Нина Петровна, замолчала и выскочила из учительской, хлопнув дверью.

Бурину показалось, что на лице Николая Васильевича промелькнуло выражение стыда и сменилось маской холодности.

Тишина в учительской стала давить. Все глядели на завуча, словно ожидая чего-то. Только Митроп ехидно улыбался и, наконец, сказал:

— Разгильдяев наказывать нужно. Партия и правительство требуют точности. Эта Брик разгильдяйка, вот пусть и не брыкается! — и довольный своей остротой он поглядел на присутствующих.

— Сергей Кондратьевич! — сказал завуч, и Бурину послышалось омерзение в его голосе. — Инцидент исчерпан. Занимайтесь своим делом!

Бурин подумал, что совершенно невероятно чтобы добрый и интеллигентный Николай Васильевич верил в надобность наказания за опоздание на работу, а тем более за такое, как «опоздание» Брик; он, завуч, начальник и вынужден, чтобы не попасть в категорию «поощряющих разгилдяев» и, значит, «врагов народа», показывать «бдительность», «преданность».

За годы учебы Бурин видел много людей, которые, ему казалось, носили маску «бдительности», «преданности». Часто и подолгу думал он о том, что все, почти все, носят эту маску: показывают любовь не только к партии и правительству, но даже к карательным органам их, то и дело вырывающих из студенческих и преподавательских рядов свои жертвы. Чаще всего исчезали преподававшие политические дисциплины и оказы-

вались «врагами народа». Бурина это удивляло. Ведь они — знатоки истмата, диамата и вообще сверхкоммунисты, как казалось Бурину — только и делали, что старались угодить партии и ее «гениальному вождю» и, видимо, в этом стремлении пересаливали, истолковывали что-то не так, как хотел этот «вождь». Вероятно, что и сами авторы диаматов и истматов, если бы были еще живыми, оказались бы «врагами народа», не угодив «корифею наук». Что же можно ожидать от простых смертных?

Бурин видел, что Нина Петровна нервно ходит в саду по дорожке, тиская в руках сумочку. Он подумал, что того и гляди ей припишут еще и самовольный уход с работы и лучше позвать ее в учительскую. Подумал и пошел к ней.

Нина Петровна, увидев идущего к ней Бурина, вопросительно поглядела на него. Он сказал:

— Нина Петровна, идите в учительскую!

— Это зачем, чтобы там надо мной издевались?!

— Никто над вами не издевается. Поймите, закон есть закон!

— Закон, закон! Не закон, а беззаконие . . .

Бурин не дал ей кончить: ему показалось, что она скажет что-нибудь такое, что будет опасным и для него и он сказал:

— Нет никакого беззакония? Что может завуч иметь против вас? Идите лучше в учительскую, а то, — Бурин едва не сказал «самовольный уход с работы пришьют», — а то посчитают, что вы ушли с работы.

Это подействовало и Нина Петровна, вместе с Буриным, вернулась в учительскую. Ее возвращение «не заметили» и она, сев на стоявший возле двери стул, молча просидела до конца рабочего дня.

**
*

Придя домой Бурин открыл окно, и стал глядеть на раскинувшуюся перед ним большую станичную площадь, ограниченную заборами казачьих дворов-планов. Прямо против него, на противоположном углу площади, стоял большой крытый оцинкованным железом дом с белыми стенами расцвеченными зелеными рамами окон и распахнутыми как крылья зелеными ставнями. В этом доме, построенном на сто лет каким-то богатым казаком, сейчас помещался стансовет. Влево от дома, через улицу, стояли дома, в которых, без сомнения, не жили их хозяева: такие дома строили «кулаки», а их давно раскулачили. Опять улица и вдоль нее, занимая всю вторую сторону площади, здания школы: красный кирпичный квадратный под цинком дом, — помещение начальных классов, длинный деревянный барак окрашенный голубоватой краской, — ранее станичный клуб, а теперь клуб школьный с комнатой называемой кабинетом директора, дальше — главное длинное одноэтажное здание школы. Окна его не имели ставень, оно выглядело официальнее, казеннее других домов. Возле, через улицу, в начале третьей стороны площади стоял домик-лавочка построенный каким-то, теперь тоже раскулаченным, станичным торгашом, занимаемый отделением сельпо и, на другом углу, большой деревянный, окрашенный зеленой краской, магазин станичного сельпо, ранее принадлежавший торгашу побогаче. На середине площади — здание церкви, такое же как и в других станицах белое кирпичное. Не церковь, нет, а именно здание церкви. В нем станичный клуб.

Глядя на эту церковь-клуб Бурин вспомнил, как закрывали в Тихорецке церковь. Там, в церкви, он, тогда

еще Иванчик, прислуживал в алтаре. Таких как он мальчиков прислужников было восемь. Священник, отец Александр Кудрин верил в Бога, верил безусловно, но ханжой не был. В коммерческом училище, во втором классе которого тогда учился Иванчик, он преподавал Закон Божий и казался ученикам очень строгим и похожим на угодника с иконы. Однажды он вызвал одноклассника Иванчика, второгодника Ваську Великого и сказал:

— Вот, скажи мне, как называются предметы изображенные на этих картинах?

Васька в каждом классе сидел по два года, был старше каждого из одноклассников и старался казаться отчаянным.

Теперь, стоя возле плаката, на котором были изображения церковных облачений, он смотрел на них и молчал.

— Ну, скажи, что это такое? — сказал о. Александр, указывая на изображение ризы.

Васька ехидно улыбнулся и нахально сказал:

— Бурка, отец Александр!

Клас, не ожидавший такой наглости, замер.

— Бурка... Д-да! — спокойно сказал Кудрин, и, совершенно неожиданно добавил: — А какую же тебе отметку поставить?..

Васька растерянно посмотрел на священника и, не желая сдаться, ответил:

— Пятерку, батюшка!

— Хорошо, — ответил Кудрин, глядя на Ваську серыми, красивыми и строгими, как на иконе, глазами. — Поставлю тебе пятерку. А сейчас, садись!

Кудрин поставил отметку, а Васька, проходя мимо кафедры, вытянул шею, заглянул в журнал и вдруг словно сжался и глядя в пол добрался до своей парты.

На переменке ребята окружили Ваську.

— Ну, Васька, здоровый кол нарисовал он тебе в журнале? — спросил весельчак и забияка, тоже второгодник, Ленька Шадров.

— А иди к чёрту! — буркнул Васька.

— Чего, к чёрту? — не унимался Ленька. — Здорово ты его — «бурка»! — и Ленька расхохотался.

Васька, вдруг, со злобой и стыдом в голосе, крикнул:

— Дурак, дурак ты! Он мне пять поставил. Понимаешь, *пять!*

— Пя-я-я-ть?! — изумленно и недоверчиво повторил Ленька. — За что же пять?!

— За что? за что?! — опять буркнул Васька. — Спроси его, он — священник.

Ребята восприняли поставленную Ваське в ответ на наглость пятерку, как христианское прощение и никто из них не пытался больше мудрить на уроках Кудрина.

Вот этому-то, похожему на святого с иконы, Кудрину прислуживал в алтаре Иванчик, видел его точно исполнявшего церковные правила и . . . верил в Бога.

Потом Кудрина арестовали и отправили куда-то. Вместо него пришел новый священник, юркий и деловой. Этот служил не Богу, как Кудрин, а начальству. Прислужники почувствовали это и возненавидели попа, и тот заметил это, называл их нелестными словами. Всякий раз, когда царские врата были закрыты и попу нечего было произносить, он садился на стул и засыпал, приказав предварительно разбудить его когда-будет нужно. Однажды, в такое время, Иванчик уловив момент когда хор замолчал, толкнул попа и сказал:

— Батюшка, «Мир ти»!

Тот, не разобравшись спросонья, выскочил на амвон и, к удивлению молящихся, совсем не вовремя провозгласил:

— Мир ти!

Заметил свой промах, вернулся в алтарь и, захлебываясь от злости и разбрызгивая слюну зашипел:

— Черти вы, проклятые, — не прислужники! Чёрт бы вас забрал.

Иванчику показалось, что вот сейчас, сию минуту грянет гром и поразит чертыхающегося в алтаре священника. Но ничего такого не случилось; алтарь для Иванчика как-то потускнел, потерял свою святость. Иванчик перестал ходить в церковь. Скоро ее закрыли.

Когда снимали колокола и разрушали алтарь Иванчик был в толпе окружавшей церковь. Со страхом глядел на людей открывавших двери церкви, а когда они, не снимая шапок, вошли в нее, толпа затихла, ожидая, вероятно, как и Иванчик, что грянет карающий гром. Они вошли в алтарь, раскрыли Царские врата и сорвали с престола покрывало . . . Иванчик от страха закрыл глаза, а когда открыл их — увидел на месте блеставшего раньше серебром и золотом престола простой деревянный стол. По алтарю ходили люди в шапках и . . . карающего грома не было.

Теперь Бурин смотрел на клуб-церковь на площади и думал: «Поколения верили . . . Приходили в это белое здание со своими горестями и страданиями, веря в облегчение их судеб. Гулко звонили колокола, призывая на молитву, весело трезвонили в праздники, заунывно перезванивали при похоронах, напряженно били в набат при опасностях. А настало время, звякнули бухнули в последний раз, сброшенные с колокольни, и замолчали навсегда. И опять ходят в это белое здание люди, чтобы забыть свои беды и горести под дурманом кино, в вихре и сутолоке танца, а часто, — слушать зажигательные для меньшинства и нудные для других речи. Наверно и в этот клуб люди входили, в первый

раз, как и я когда-то: с любопытством смешанным со страхом. Вспоминали о гробах, стоявших раньше под его сводами».

— Да, прошлое, — раздумчиво сказал Бурин, будто говоря с кем-то, и его мысль перенеслась к недавнему студенческому житью.

Бело-серый, с колоннами опирающимися на высокий ряд ступеней портал перед входом в здание Педагогического института в Ростове-на-Дону. Рядом здание НКВД. Это здание давит и унижает Пединститут. Да, именно, давит и унижает. Как можно верить в свободу мысли глядя из окон Пединститута, места обучения будущих воспитателей детей, воспитателей в «духе свободы и братства», на безобразную глухую стену из кирпича с серыми выдавками цемента, скрывающую от глаз место пребывания карателей?

Однажды познакомился Бурин с живущим рядом с институтом рабочим, несколько окон квартиры которого тоже глядели на эту стену. Несколько раз заходил к нему, заинтересованный рассказами о революционном прошлом. Раз засиделся допоздна и остался ночевать. Что-то разбудило его. С тревожным чувством прислушался, сообразил, что звук идет от предрассветно серого окна перед стеной. Что-то гудело; в это гудение вплетался треск. Теперь ему показалось, что и гудение и треск идут из стены прячущей за собой двор НКВД. Вдруг вспомнил слова отца: « . . . как услышал, что автомобили заводят, так и совсем упал духом. Ну, думаю, тут же и расстреляют: чтобы выстрелы глушить — моторы завели!» В душе захолодало. Стучала мысль: «Неужели . . . чтобы выстрелы заглушить?! Неужели?!» А моторы гудели и . . . в гул врывался треск. «Вот сейчас падают люди, — трепетала мысль, — падают сраженными пулями шипящими под гул моторов . . . Горя-

чая красная кровь льется на камни... Кончаются, в последней судороге, страдания людей!»... Бурину захотелось спрятаться от ужаса творимого там, за стеной. Невольно, как делал когда-то ребенком, натянул он себе на голову одеяло. Стало темно, но треск стал еще отчетливее. Сбросил одеяло, подошел к окну, уперся ладонями в подоконник и, вслушиваясь, застыл. «Нет, не трещит! Только моторы гудят, — подумал он, — сам себя напугал. Чепуха. Не может быть, чтобы»... Вдруг почувствовал: кто-то стоит совсем близко, за его спиной. Оглянулся. Увидел напряженное, с гримасой страдания, с широко открытыми, упершимися в стену глазами, лицо хозяина квартиры.

— Поехали... повезли, — сказал тот, словно у него был в горле мешающий говорить комок,— повезли...

— Что повезли?.. — спросил Бурин и, пугаясь добавил: — *Кого* повезли?

Хозяин отошел от окна, сел на стул, положил голову на ладони упертых локтями в стол рук и застыл. Бурин отошел от окна и сел напротив него. Долго молчали. Наконец хозяин прервал тишину.

— Не могу, — сказал он, — не могу спать в это время. Каждое утро... когда и не гудят... не могу!

— Почему? — сказал Бурин и понял нелепость вопроса.

Хозяин поднял голову, посмотрел на Бурина тяжелым страдающим взглядом, заставившим Бурина опустить глаза.

— Вы что, маленький?! Не понимаете?... — сказал со злобой хозяин. — Они... — и вдруг замолчал, будто испугался.

— Понимаю, — неожиданно для себя ответил Бурин и тоже испугался, подумав, что этим одним словом сказал слишком много.

— Понимаете?! — обрадовался хозяин, посмотрел на Бурина, глаза его стали мягкими, дружескими. — *Это* нужно понимать!..

Страх одного перед другим вдруг исчез. Хозяин заговорил:

— Всех, всех порастреляли... Я, вы не думайте, я раньше вам всё такое рассказывал, всё *разрешенное,* а я, я с ними, с *расстрелянными,* с самого начала был. На бронепоезде ездил... Теперь, теперь один остался. А их всех... Эти сволочи... Не думайте, я раньше матросом был. За революцию бился, с *ними* вместе был...

— С кем? — перебил Бурин.

— С Троцким, с другими, кто с ним был... в личной охране состоял. Думал, за счастье боремся. А и люди были, — герои, а их... всех... Да, может быть, кого и за этой самой стеной, вот так, на рассвете...

Воспоминания Бурина были прерваны веселым, слегка картавым, голосом:

— Что, Иван Иванович, скучаете?

Говорил хозяин теперешней квартиры Бурина, казак, судя по его большому и крытому цинком дому, из зажиточных и каким-то чудом спасшийся от раскулачивания.

— Нет, не скучаю. Задумался немножко.

— А! Скучать не надо. Задумываться — тоже. Смотрите, благодать у нас в станице какая. Чего, чего только нет! — и он рассмеялся.

Бурин почувствовал, что этот смех подчеркивает последние слова. А Бойко, как ни в чем ни бывало, продолжил:

— Так-то, Иван Иванович. — Иду в кооператив. Вам ничего не нужно.

— Нет, спасибо, ничего.

Бойко ушел.

«А и он ехидничает», — подумал Бурин и вспомнил секретно ходивший анекдот: «В одном кооперативе с пустыми полками, над которыми висит портрет Микояна, наркомторга, продавец говорит покупателю: 'И чего, чего только у нас нет? И сахара нет, и муки нет, и мануфактуры нет, — Микоян есть'».

***

Утром, идя в школу, Бурин полной грудью вдыхал еще прохладный, пахнущий садами и сеном, воздух и невольно подумал: «Какая благодать! И почему это нужно, чтобы люди всем жизнь портили?»

Посмотрел на угловую мизерную лавочку с вывеской «Сельпо» и подумал, что вот и эту лавочку когда-то построил на скопленные гроши человек, торговал, обвешивал, обмеривал, но старался угодить покупателям, а теперь — казенное сельпо с Микояном.

Мелькнула мысль, не опаздывает ли он. Заторопился, досадуя, что и делать-то нечего, только отсиживать часы, а опоздай на минуту, — беда!

Прошел через длинный школьный зал, вошел в учительскую, увидел что все уже в сборе и испугался, что опоздал. Взглянул на часы и успокоился. Перевел дыхание, поздоровался. Завуч оторвался от своей работы, тоже быстро взглянул на часы и, Бурину показалось, обрадованно сказал:

— Здравствуйте!

«Вот, — подумал, пробираясь к месту у стены, Бурин, — завуч боится, чтобы кто не опоздал, и обрадовался, что еще нет восьми часов».

Вошел рослый молодой, лет двадцати пяти, мужчина. Еще не закрыв за собой дверь, он приветливо, но с оттенком важности, поздоровался и прошел к столу

завуча. Тот встал, значительно поглядел на учителей, остановил взгляд на Бурине и сказал:

— Вот, познакомьтесь, директор школы, — и повернувшись к тому — добавил: — Наш новый преподаватель математики, Иван Иванович Бурин!

— Очень рад, очень рад! — сказал директор.

— А это, — продолжал завуч, — наша новая учительница первой ступени, Нина Петровна Брик . .

— Очень рад, — начал директор, но завуч перебил:

— К сожалению, она опоздала на работу и я . . .

— Опоздала на работу? — спросил директор и Бурину показалось, что на его лице промелкнуло выражение сожаления. — Это разгильдяйство. Партия и правительство объявили борьбу с ним. Нам, воспитателям молодого поколения, надо пример показывать, — он на секунду замялся. — Я сообщу об этом случае в районо. Он и решит, какое наказание применить.

И, будто спеша переменить тему, сообщил, что вчера вернулся из района, где получил указание о ведении учебной работы в новом году. Сказал, что желает всему коллективу успеха в подготовке к началу занятий, попрощался и ушел.

Бурину директор понравился. Ему показалось, что даже говоря о приказе вести борьбу с «халатностью» и «разгильдяйством» он вовсе не был «твердокаменным», а только старался казаться таким.

— Николай Васильевич, — обратился Бурин к завучу, — а как зовут директора?

— Ах, как это я забыл сказать! — Угрюмов, Андрей Петрович Угрюмов.

— Ага, — сказал Бурин, — Угрюмов, — и добавил: — А он, мне кажется, вовсе и не угрюмый!

ГЛАВА II

Настал день начала занятий. Прийдя в школу, Бурин увидел веселых и, как всегда в первый день, несколько взволнованных учителей.

Первый урок Бурина был в восьмом классе. Когда он вошел, учащиеся встали и он увидел бедно и разнообразно одетых девочек и мальчиков с любопытством глядевших на него. Поздоровался, велел садиться и сказал:

— Меня зовут Иваном Ивановичем. Я хочу чтобы вы хорошо учились, а потому, если кому-нибудь что-нибудь не будет понятно, всегда спрашивайте меня. Зубрить не надо. Математика не любит зубрежки.

Вызвал к доске нескольких учеников, убедился в недостаточности их знаний. Даже лучшие ученики отвечали, говоря зазубренное ими и стоило их прервать, старались снова начать с начала. То же повторилось и во всех других классах.

Бурин не винил учеников. Что можно было от них требовать, если их учителя знали немногим больше их? Вспомнил анекдот. Учитель рассказывает жене: «Объяснил я им раз, — не поняли; объяснил второй раз, опять не поняли; третий раз объяснил, сам понял, а они все-таки не поняли!»

Бурину стало ясно, что нужно сначала отучить учеников от зубрёжки. То и дело он спрашивал «почему?» и это «почему?» пугало учеников. Он не мог ставить сносные отметки за зубрёжку. Успеваемость по математике в его классах катастрофически упала.

Прошло несколько дней. На большой перемене завуч вызвал учительниц первой ступени из другого помещения. Когда они пришли он, убедившись что и все остальные в сборе, сказал:

— Товарищи! Директор поручил мне передать вам решение районо о случае опоздания учительницы Брик, — и обвел всех глазами.

На лицах Бурин прочел любопытство, а Брик с тревожным ожиданием даже несколько подалась вперед.

— Районо передал дело в суд и . . .

— В суд?! — недоуменно и испуганно перебила Брик. — За что?!

— За опоздание на работу! —ответил завуч и, как показалось Бурину, со злорадством добавил: — Народный суд приговорил учительницу Брик к принудительной работе по месту службы с удержанием в течении шести месяцев двадцати пяти процентов зарплаты.

— За что? За что?! — повторила Брик, посмотрела, будто ища помощь, кругом, увидела смущенно глядящих в пол людей и заплакала.

Однажды завуч, выйдя после звонка на урок вместе с Буриным из учительской, сказал ему:

— Иван Иванович, сегодня после уроков, когда все уйдут, зайдите ко мне в учительскую.

После уроков, когда все ушли, завуч сказал:

— Иван Иванович, что вы делаете? Успеваемость по математике в ваших классах невероятно низкая. Я готовлю диаграмму успеваемости, а кривая, из-за вас, летит вниз. А районо требует стопроцентной успеваемости!

— Николай Васильевич, на моя вина что ребят раньше плохо учили. Простите меня, но это так. Если бы я не хотел ребятам добра и не надеялся научить их понимать предмет, я бы, пожалуй, ставил им отметки, как их им раньше ставили. А я хочу, чтобы они понимали предмет, были действительно хорошими учениками. Подождите полгода, во втором полугодии все выправится.

— Во втором полугодии, а от меня требуют хорошей успеваемости уже сейчас. Что я должен делать? Вы ведь знаете ... — завуч вдруг замолчал, посмотрел на Бурина, словно просил прощения, и закончил: — Я постараюсь убедить директора, чтобы он не волновался, но смотрите, если и во втором полугодии будет то же, то и вам и мне не сдобровать.

Дома Бурина охватили мысли, вызванные последним разговором с завучем. Он думал о том, что и в школе трудно работать честно. И в школе подавай «ударные показатели». Что эти «ударные показатели» дутые, что они вредят и школе и ученикам, это начальство не беспокоит. Вот составят диаграмму успеваемости школ района и кривая его школы будет ниже других. Неприятности директору, неприятности завучу. И надо отдать справедливость, что они, директор и завуч, молодцы: идут на риск. Вспомнил Бурин районную осеннюю учительскую конференцию. Со сцены театра районное начальство произносило стандартные речи, говорило о высокой чести быть воспитателями мо-

лодого поколения. Призывало следовать примеру ударных школ, не имеющих плохих отметок.

— Товарищи! — возгласил зав. районо. — Есть и у нас в районе школа, которая может послужить всем примером. Я говорю о средней школе хутора Отрадного. Ее преподаватели показали пример ударной работы. В их школе нет неуспевающих учеников, — и он стал перечислять заслуги и показатели отдельных учителей «ударной» школы.

Бурин вспомнил что он, охотясь, несколько раз останавливался на ночлег в отдаленном хуторе Отрадном — в школе. Но тогда там была только начальная школа. Хуторские учителя были рады новому человеку и приглашали его к себе. Тогда это были хорошие, правда очень мало развитые, люди. А теперь они ударники!

Зав. районо окончил перечисление заслуг и объявил:

— Товарищи преподаватели отрадненской школы, прошу вас выйти на сцену, чтобы все могли познакомиться с вами.

В зале задвигались и несколько человек двинулось к сцене.

«Ах, этого я знаю! — подумал Бурин, увидя человечка с длинным птичьим лицом, обрамленным рыжими жирными волосами. — Да он, кажется, сам только начальную школу окончил. И этого знаю, что следом идет: тоже такой же . . . Да всех знаю. Все учили в начальной школе».

Ударники добрались до сцены и по лестничке поднялись на нее.

Зав. районо взял за руку человечка с жирными рыжими волосами, вышел с ним вперед и объявил:

— Вот, товарищи, директор ударной школы, Сидор Карпович Крупко! Ему, его энергии и работоспособно-

сти, мы обязаны наличием в районе школы-отличницы. Предлагаю конференции выслушать его доклад!

В зале зааплодировали, сначало слабо, потом, глядя один на другого, сильнее и сильнее. Бурин, боясь чтобы его не посчитали за «врага», старательно выстукивал ладонями, а сам думал: «Не аплодировать, а свистеть надо, когда такие чучела на сцене».

Крупко стал за обтянутым красной материей пультом, положил на него тетрадку и стал читать свой доклад. По мере чтения Бурину становилось все противнее и противнее слушать набор приевшихся газетных штампов, перемежающихся провинциально-полуграмотными вставками «от себя» самого оратора. Эти вставки стали переходить в такой корявый набор слов, что Бурину стало смешно. Он оглянулся и ему показалось, что все в зале испытывают то же. Оратор кончил выкриком: «Да здравствует великий Сталин, руководитель нашей коммунистической партии, наш вождь и учитель!»

Позже Бурин узнал, что, из-за удаленности хутора Отрадного от мест где были средние школы, ученики окончившие его начальную школу не могли продолжать учение. И вот, чтобы выйти из затруднения районо решил просто-напросто переименовать хуторскую школу в среднюю. Школу переименовали и, так как нужных кадров не было, заставили учителей начальной школы преподавать в старших классах.

Теперь, думая о возможных неприятностях из-за низкого процента успеваемости, Бурин пришел к выводу, что, может быть, человечек с намазанными подсолнечным маслом рыжими волосами не так уж и виноват, ему легко было ставить хорошие отметки ученикам, знающим столько же сколько и он, то есть ничего не-

знающим и, тем более, некоторым ученикам, по их одаренности знавшим и больше его — отличные. Он же, Бурин, не имеет права ставить завышенные отметки. Он не может успокоить свою совесть тем, что высокие отметки требует начальство. Он ответственен не только перед начальством, но, и в гораздо большей мере, — перед учениками. Того и гляди очутишься на «черной доске», как когда-то на заводе. А может быть и хуже: объявят «врагом пробравшимся в школу, чтобы вредить и сорвать обучение молодого поколения».

«А все-таки, я зря хороших отметок ставить не буду! — подумал Бурин. — Пусть будет, что будет, а я не могу идти против моей совести!»

Решив так он почувствовал облегчение, но уже через несколько минут в сердце опять закралась тревога. Принялся успокаивать себя, находя всевозможные доводы. «Не может быть, — думал он, — чтобы все были мерзавцами! Вот хотя бы завуч. Он понимает меня и внутренне согласен со мной, иначе бы он не допустил, чтобы прошли мои оценки. А директор? Директор — тоже. Он коммунист и мог бы меня давно уже выгнать. Да только вот беда: вместе со мной и им может влететь. Может быть я неправ, что иду на рожон? Тяну за собой и других. Нет, иначе невозможно. Но какая же гадость командует сверху! Фанатики или дураки. А может быть команду сверху подхватывают вредители? Тогда я дурак, что мешаю им. Но тут нет выхода: нельзя уродовать детей!»

Бурин любил свое дело, любил учеников и радовался видя их достижения. Дети инстинктивно чувствуют, кто как к ним относится и ученики стали ценить Бурина. Он не признавал на уроках никакой официальности, игнорировал нелепые требования начальства.

Постепенно ученики стали понимать предмет и успеваемость стала быстро расти. Между учениками и Буриным установились прекрасные отношения.

**
*

В школу приехал инспектор районо. Вскоре Бурин был вызван к нему и получил нагоняй, за невыполнение некоторых формальностей. В заключение инспектор, со строгой миной, сказал, что желает присутствовать на его уроке в десятом классе. Бурин знал, что этот «инспектор» имеет только семилетнее образование и уверенный, что тот ничего не поймет решил поступить так, как требовала обстановка — втереть очки. Тревожила только возможная неодобрительная реакция учащихся на это очковтирательство. Бурин успокаивал себя надеждой, что они поймут вынужденность его поступка.

Новости в школе очень быстро облетают учащихся. Очевидно каким-то путем узнали и о разносе Бурина инспектором, потому что, когда он с инспектором вошел в десятый клас, его встретили необыкновенно чинно. Он понял, что ученики играют для инспектора роль паинек. Это обрадовало, расстрогало и успокоило Бурина. Вместо очередного материала он поднес мешанину из большого процента пропаганды и малого — математики, показывая инспектору как старательно он выполняет директиву о «пропитывании отвлеченной науки марксизмом-ленинизмом». Вызывал учащихся к доске, задавал им задачи засоренные совершенно ненужными, но говорящими о «социалистической действительности», подробностями и удивлялся, — с каким невозмутимым видом они их принимали. Наконец вызвал лучшего ученика, сына начальника Политотдела

МТС, комсомольца Иностаева и продиктовал ему задачу, в которой было много данных о числе героев сражения во время одного из конфликтов с Японией, о числе подбитых японских танков и тому подобном, но очень мало алгебры. И Иностаев стал так оперировать с этой задачей, что у Бурина захватило дух: получилась хвалебная песнь «великому Сталину», партии и правительству. Стоя у доски Иностаев хитро поглядывал на своих товарищей и совершенно серьезно — на инспектора. Наконец заявил:

— А теперь осталось только составить уравнения, но это, — он посмотрел на инспектора, — совершенно элементарно, не стоит, я думаю, терять на это время, — и опять невозмутимо уперся вопрошающим взглядом в инспектора.

— Конечно, конечно, — подтвердил тот. — Не стоит терять время на элементарные вещи.

Тут, к всеобщему удовольствию прозвенел звонок.

Урок инспектору чрезвычайно понравился и он ограничился одним только «товарищеским» порицанием Бурину за «невыставление ученикам отметок в классном журнале». Бурин не был сердит за это на инспектора, понимая что тому нужно застраховаться от возможных неприятностей со стороны более высокого начальства. Да и огорчение с «порицанием» теряло значение в сравнении с радостью от уверенности в том, что учащиеся его не выдадут; они видят неправду и ищут справедливость.

***

Однажды завуч сказал Бурину:

— Иван Иванович, преподаватель математики в седьмом классе заболел и вам придется его заменить. На несколько дней.

— Ну что ж? Нужно — значит нужно.

— Так-то так, да только загвоздка есть.

— Что за загвоздка?

— Да там есть ученик один, Кузьмин; он изволит все по-своему делать, никого не слушается.

— Ну, это не страшно.

— Не говорите. Его однажды вызвал к себе директор и стал выговаривать, а он стал в независимую позу и говорит: «А что вы мне сделаете? Со школы выгоните, что ли? — засмеялся нахально и добавил: — 'Нет плохих учеников, — есть только плохие учителя!'»

— Да. Это сильная штука!

— Вот именно. Вы и смотрите, чтобы у вас с ним чего-нибудь не вышло.

Придя в седьмой класс Бурин заметил, что ученики рассматривают его, «преподавателя старших классов», как какое-то заморское диво. Заметил так же, что один ученик подчеркнуто не обращает на него никакого внимания и решил что это и есть тот самый, никого не слушающийся.

Познакомившись с классом, Бурин стал объяснять новый материал, заметил поднятую руку и спросил:

— Что тебе непонятно?

Ученик встал и, совершенно неожиданно, сказал:

— Кузьмин не дает мне мокать ручку в чернильницу.

— В какую чернильницу?!

— Да вот в эту, — и ученик указал на вставленную в отверстие в парте «неперекувыркашку».

— Кузьмин, почему ты не даешь чернильницу?

Не вставая, Кузьмин вызывающе ответил:

— Я налил в нее свое чернило. Не дам ему и всё!

Бурин, делая вид что не замечает нежелания Кузьмина встать, стал говорить о необходимости товарище-

ского отношения, о необходимости помогать один другому и, наконец, о надобности жить в коллективе и быть хорошими членами его.

Кузьмин слушал со скучающим видом, а при последних словах даже начал зевать.

— Ну вот, — обратился к нему Бурин, — теперь ты наверное понял, что нехорошо сделал и, я надеюсь, дашь товарищу чернильницу.

— Ничего такого я и понимать не хочу, — опять не вставая ответил Кузьмин, — и ничего ему не дам!

«Если я сейчас же не сломлю его упрямство, — подумал Бурин, — тогда конец моему авторитету», и резко сказал:

— Встань! Ты говоришь с преподавателем. Дай товарищу чернильницу!

— И не встану, и чернильницу не дам!

Класс застыл в напряженном ожидании. Казалось, на всех физиономиях стоит вопрос: «А ну, кто кого?»

— Если ты не хочешь мне подчиниться, то одному из нас нет сейчас места в классе: или ты должен уйти, или я.

— Ну и уходите! — буркнул Кузьмин.

— Нет, мне нельзя уйти. Я должен учить твоих товарищей, а вот ты, чтобы не мешать другим, уйдешь!

— Никуда я не уйду . . . — начал Кузьмин и замолчал, видя что Бурин решительно идет к нему.

А тот схватил его за руку, вытянул из-за парты и потянул к дверям.

— Не смеешь . . . Не смеешь насильно! . . Тебя за это . . .

— Выгонят из школы, думаешь ты? — перебил Бурин и выталкивая Кузьмина из дверей, добавил: — Придешь, когда поумнеешь.

Вернулся к кафедре, оглядел класс, заметил почтительные взгляды рябят и сказал:

— Вот, ребята, нечего было делать, — пришлось его выгнать, а то вам бы учиться было невозможно. А учиться нужно.

Бурин знал, что за применение физического воздействия учителя ожидает много неприятностей. А если придерутся, можно и в НКВД попасть. Два дня с тоской думал об этом, ожидал наказания. На третий день, когда шел домой, его догнал ученик десятого класса Шечков, секретарь комсомольской организации школы.

— Иван Иванович, эта дура — мать Кузьмина — обегала всех начальников, везде на вас жаловалась, а те спросили нас. Мы сказали, что думали и ее слушать не стали. Так что вы не беспокойтесь!

— Спасибо! А что с Кузьминым?

— Ему мы тоже сказали, что следует. Завтра опять в школу придет.

Месяца два тому назад этот самый Шечков, когда Бурин вызвал его, начал толковать, что у него бабушка заболела и он поэтому не смог выучить урок.

— Хорошо, — сказал Бурин, — не выучил один раз, — не беда. Выучишь! Я тебе, пока, отметку ставить не буду. Спрошу в другой раз.

Вызвал через неделю. Опять у Шечкова «происшествие», опять не выучил он урок и опять Бурин не поставил ему отметку и обещал спросить через неделю.

Когда и через неделю Шечков не мог ответить, Бурин сказал:

— Вот смотри, я тебя третий раз спрашиваю, и третий раз ты ничего не знаешь. Может быть у тебя теперь и прапрадедушка заболел и помешал урок выучить, да только ни я, ни твои товарищи этому не ве-

рим. А вот теперь все смотрят на тебя и думают, что ты совсем дурак. И главное, — подчеркнул Бурин, заметив что при слове «дурак» задергалось лицо Шечкова, — ты понимаешь, что и обижаться не имеешь права: сам виноват. Теперь я буду ждать, когда ты сам скажешь, что выучил всё. Садись!

Шечков, с глазами наполненными слезами досады, пошел на свое место.

Прошло три недели и в начале урока Шечков поднял руку.

— Что ты хочешь?

— Хочу отвечать.

Бурин спрашивал по всему курсу. Шечков уверенно отвечал. Видя что он без затруднения отвечает на простые вопросы, Бурин стал их усложнять и, наконец, задал сложную задачу. Шечков подумал, начал писать.

Запестрели на доске белые иксы, игреки, корни и Шечков составил нужные уравнения.

— Хватит, — прервал Бурин. — На вычисления не будем терять время. Теперь уже никто не посмеет сказать, что ты дурак. Теперь ты молодец!

Торжествуя Шечков двинулся к своей парте и, проходя мимо кафедры, не сдержал любопытства и вытянув шею заглянул в журнал, в котором Бурин выводил отметку. Бурин заметил, сказал:

— Можешь посмотреть, я не делаю из отметок секретов.

Шечков взглянул и изумленно пробормотал:

— Пятерка! .. После того, как я . . . три раза не ответил?

— Важно не то, как ты знал раньше, а то, как ты знаешь сейчас. Знания нужны не для журнала, а для тебя самого, для твоей жизни.

С тех пор Шечков учился прекрасно.

Теперь он был рад возможности успокоить Бурина, а тот подумал: «Хороший парень! Гляди-ка «нас спросили», «мы сказали», а на самом деле, наверное, всех начальников убеждал не слушать мать Кузьмина. И убедил не смотря на то, что эти начальники могли оказаться в затруднительном положении если бы коммунистка, мать Кузьмина, стала жаловаться начальству повыше.

На другой день вернулся преподаватель седьмого класса и Бурину уже не нужно было идти туда. А через неделю, этот преподаватель, бывший классным руководителем, сказал Бурину, что изумлен поведением Кузьмина, что того словно подменили, так изменился он к лучшему.

ГЛАВА III

В школу приехал новый преподаватель. Это был человек лет пятидесяти, ходивший согнувшись, будто нес тяжелый груз. Фамилия его — Медведь. После первого же разговора с ним Бурин подумал, что Медведь не может быть хорошим преподавателем: что-то неинтеллигентное было в нем да и нервность чувствовалась, нервность переходящая в истеричность.

Медведь всем и каждому, при всяком случае, рассказывал, что был матросом, учился самоучкой; старался показать себя чистокровным пролетарием, подчеркивал, что и из матросов был особо пролетарским — кочегаром. Бурин понимал, что Медведь хочет создать себе таким путем авторитет, соглашался, что, как бывший матрос видевший свет, Медведь поступил правильно выбрав для преподавания географию, но видел, что Медведю ничто не удается. Преподаватели, даже и не имевшие специального образования, не могли примириться с мыслью, что достаточно быть в прошлом кочегаром, чтобы стать теперь преподавателем. Ученики немедленно заметили кочегарские обороты речи Медведя и почти открыто высмеивали его. В общем, кочегар оказался не на месте в средней школе. И он, сам чувствуя это, особенно раздражался, когда замечал,

что с ним говорят, как с кочегаром. Раздражался, требовал к себе отношения соответствующего его пролетарскому прошлому, не замечал, что именно это «пролетарское прошлое» не перешедшее в «интеллигентское» настоящее и вызывало презрительное отношение к нему, «залезшему не в свои сани».

Уроки Медведя превратились в пытку для него: ученики, с неосознанной жестокостью юности, издевались над ним. Однажды он не выдержал, выскочил из класса, изо всей силы хлопнул дверью и кинулся в кабинет директора. Бурин, случайно там оказавшийся, услышал приближающийся к двери топот, взглянул и увидел в открытой двери бледное лицо Медведя.

— Невозможно! .. Я не могу! .. Издевательство! .. — выкрикивал Медведь.

Директор, поднял голову от бумаг и спросил:

— В чем дело, товарищ Медведь?

— В чем дело?! Вы знаете в чем дело. Вы ... — на его губах выступили пузырьки пены.

— Успокойтесь! Я не понимаю ...

— Не понимаете? Не понимаете?! .. Не хотите кочегара понимать ...

— Вы для меня не кочегар, а преподаватель, — перебил директор. Губы его сжались в узкую полоску и он со злостью окончил: — Потрудитесь говорить как таковой!

— Нечего мне трудиться! .. Я хочу, — и он вдруг грубо выругался.

— Директор приподнялся, словно готовясь кинуться на Медведя и перебил его:

— Сначала научитесь говорить по-человечески, а потом я стану выслушивать ваши желания. А сейчас потрудитесь выйти из кабинета!

Медведь впал в форменную истерику и стал выкрикивать какой-то набор слов, в котором обвинения в нежелании учитывать его пролетарское происхождение, перемешивались с ругательствами. Директор, больше не смог сдерживать себя, встал и стукнув кулаком по столу, закричал:

— Вон отсюда! Вон! Я тебя . . .

Бурину вдруг стало жаль Медведя, он взял его за плечи, повернул к двери и вывел из кабинета. Удивила послушность Медведя.

Когда вернулся в кабинет, директор стоял нервно сжимая руки. Словно ища оправдание, сказал:

— Осточертел он мне! Это уже не первый раз он ко мне врывается. Все виноваты, только не он, — чертов кочегар! . . — и вдруг, заметив что проговорился, презрительно отозвавшись о пролетарской профессии, закончил: — Трудный человек. Осточертел мне.

— Да он не только вам осточертел, он всем осточертел, — ответил Бурин. — Какой-то сумасшедший.

* * *

Прошло несколько дней, наступила суббота, а по субботам учителя иногда устраивали, вскладчину, вечеринки. Вот и теперь директор устраивал такую и пригласил Бурина. Бурин, под благовидным предлогом, отказался; несколько удивился, что Угрюмов не стал, как обычно, уговаривать.

Через несколько дней, вечером, Бурин услышал стук в дверь. Отворил и увидел Угрюмова. Пригласил войти, несколько встревожился, видя что директор чем-то расстроен.

— Вот, Иван Иванович, — начал Угрюмов, — вы меня простите, что беспокою вас. Я сам себе места не

найду... такое всё... нужно поделиться, а то мысли душат...

— Ах, Андрей Петрович! — стараясь свести всё к шутке ответил Бурин. — Какие такие события на нашей планете могут быть, что их нужно рассказать такому «важному», как я?

— Не смейтесь! Мне не смешно. Вот именно вам и нужно рассказать. Знаю, что вы зря не болтаете, да и людей понимаете, вот потому и хочу вам рассказать.

Угрюмов замолчал, словно не зная как начать.

— О чем рассказать? — помог Бурин.

— О Медведе, — и вдруг заторопился: — Собственно и не о нем, а о с ним связанном и... все-таки о нем.

— Опять он что-то натворил?

— Нет, этот раз... другое. Начальство меня вызвало... — он запнулся. — Да, начальство — НКВД. Из-за Медведя. Он, оказывается, раньше эсдеком был. Это он скрыл, а остальное — правда: и матросом-кочегаром был, и самоучка. Только совсем непонятно, как он в школу залетел. Чёрт бы его взял!..

— Ну, а вы-то при чем? — чтобы не молчать спросил Бурин.

— При чем я? Да ни при чем. А расхлебывать мне приказали...

— Что расхлебывать? — опять чтобы не молчать сказал Бурин.

— То, что другие проглядели. Так вот, я уже сказал, вызвали меня в НКВД, — как члена партии. Сказали, что Медведя нужно убрать из школы: не место в ней эсдеку. Да только одного эсдекства им мало, нужно и новую вину найти, — теперь совершенную. Вот и приказали мне: «Устройте вечеринку, пригласите побольше учителей и, конечно, Медведя. Водкой хорошо угостите. А когда языки развяжутся, наведите его на разговор

на политическую тему. Поймайте на слове, сделайте так, чтобы можно было поймать, да чтобы все слышали. Возмутитесь и, как член партии, арестуйте».

Угрюмов замолчал.

— Ну? .. и что дальше? — спросил уже заинтересованный Бурин.

— А дальше . . . что я мог делать? Собрал, напоил, на разговор стал наводить, а потом, словно мне кто рукой горло сжал, не смог ни «навести», ни «возмутиться». Уж очень подло это. Всё подло . . .

Несколько секунд прошло в молчании. Потом Угрюмов, посмотрел на Бурина словно просил помощи, и добавил:

— Знаю, что и вас этим разговором ставлю в трудное положение: соучастником делаю . . . Но, — он махнул рукой, — всё-равно не могу молчать . . . Такие, как вы не бывают доносчиками.

— Да и доносить-то не о чем, — сказал Бурин, а сам подумал, что одного того, что Угрюмов рассказал о приказе энкаведиста достаточно, чтобы ему не сдобровать.

— Как сказать, всё можно так и так выкрутить. Вот меня опять вызвали, спросили, почему ничего не сделал. Отбрехался, что сам так напился, что ничего не помню, — Угрюмов взглянул на Бурина, улыбнулся и добавил: — А я и в самом деле так напился. Под конец вечеринки.

Угрюмов закурил, выжидательно поглядел на Бурина, а тот, повинуясь импульсу, сказал:

— Вы, Андрей Петрович, иначе не могли поступить, — вы порядочный человек!

По уходе Угрюмова Бурин погрузился в размышления. «Вот, — думал он, — история! Пришел, покаялся. А что если это провокация? Может быть он как раз меня «навёл» на разговор, по заданию НКВД? Нет,

так играть он не смог бы. А если? .. Свидетелей не было. А *им* свидетели и не нужны. Совершил директор «преступление» в моем присутствии, значит я, если я «сознательный гражданин» должен поставить об этом в известность НКВД. Не сделаю я этого, значит — сочувствую преступнику, значит — 'враг народа'. Вот попал в заколдованный круг: не донесу — я 'враг', донесу — Угрюмов 'враг'. А все-таки, пожалуй, следует донести. Угрюмов коммунист. Очень вероятно, что он получил задание проверить меня, спровоцировать меня. Ведь был же у нас, перед тем как папу арестовали, провокатор в виде нищего. Если бы мы донесли на него, это было бы только самозащитой, контрударом. А если, если Угрюмов не провокатор?! .. Тогда что? Донести на человека пришедшего к тебе, чтобы облегчить душу? Да после этого и жить нельзя! Да Угрюмов ничего особенного не сказал . . . Как не сказал?! Сказал достаточно. А все-таки доносить подло. Нельзя! Но ведь теперь ясно, что Угрюмов не считает меня стопроцентно советским человеком. Иначе он не пришел бы ко мне. Но и я теперь не могу считать его таким. И он рискует и я рискую. Проклятое хождение по канату! Но какое это понятие *советский человек,* — мерзость: доносчик, предатель, провокатор — все мерзости. А нет этого эпитета *советский* и человек — звучит гордо. Но быть просто человеком опасно. *Советские* съедят. *Они* знают только одну *правду,* ту которую *им* повелел Сталин. 'Жить стало лучше, — жить стало веселей'. Кому? Кроме *них,* никому, а всех заставляют повторять эту сталинскую 'правду'.

Но, если директор провокатор, а я донесу на него, ему от этого беды не будет, а я покажу себя советским человеком. Фу, гадость! Вот проклятый инстинкт самосохранения! Но действительно ли он проклятый?

Разве стремление сохранить себя плохое? Конечно плохое, когда приходится подличать. А . . . 'цель оправдывает средства'. Но целью не должно быть только самосохранение, — Бурин, прошелся по комнате, опять сел, закурил.

А что, если Угрюмов все-таки провокатор? Он тогда враг не только мне, но и всем порядочным людям. И сохранить нужно себя ради этих людей. Тут нет места чрезмерной щепетильности. Сейчас нет никакой возможности выступить против сталинской власти. Тот, кто этого не понимает и говорит против этой власти, — вредный болтун. Такой болтун не менее вреден, чем провокатор: он может потянуть за собой на гибель людей умеющих молчать, а такие люди нужны народу, они, сохранив себя, в подходящий момент встанут на защиту народа. А истеричные болтуны народу не нужны! Значит, если Угрюмов и не провокатор, он истеричный болтун и на него следует донести, *чтобы сохранить себя для народа. Он,* иначе, будет болтать до тех пор, пока не наскочит на *советского человека и,* когда тот донесет, вместе с болтуном пропадут и нужные люди. Логика говорит, что, в данном случае, донос, не подлость, а необходимость».

Тут только Бурин заметил, что ходит по комнате наполненной колышущимися пластами дыма. Ткнул дымящую в руке папиросу в пепельницу, шагнул к стулу, сел, скрутил новую папиросу и опять закурил.

«Вот и оправдал доносительство, доказал, что донос не мерзость, а чуть ли не геройство, когда это нужно, — опять заработала мысль. — А когда *это* нужно? Когда это оправдывается необходимостью? Могу ли я знать это? Что если ошибусь? . . *Это* теоретически правильно, а на практике *я не могу это сделать*».

**
*

В учительскую, на большой перемене, пришел «технический» — школьный сторож — и объявил:

— Директор сказал, штобы вси, опосля уроков, к нему в кабинет шли.

После уроков Бурин, вместе с другими, пошел к директору.

Убедившись что все в сборе директор сказал:

— Товарищи, нужно обсудить статью, напечатанную в «Учительской Газете». Статья имеет историческое значение; она свидетельствует о заботе о нас, учителях, великого нашего вождя и учителя, товарища Сталина. К сожалению сейчас, между сменами, у нас нет достаточно времени. Я дам вам газеты, чтобы вы прочли, а вечером в шесть часов соберемся, обсудим.

Взяв газету, Бурин увидел большой заголовок, громко прочел: «Учитель не стоял, не стоит и не будет стоять в капиталистическом мире на такой высоте . . .» и, неожиданно для самого себя, добавил:

— Я на такую высоту залез, что голова кружится. Не знаю как слезть.

Сказал и испугался. Ему показалось что его слова повисли в воздухе, как доказательство его антисоветскости. «Вот и оказался я сам болтуном, — мелькнуло в сознании, — тоже подлежу уничтожению!» Обвел всех глазами, — невозмутимые лица, словно никто ничего и не слышал. А директор торопливо и громко сказал:

— Теперь, товарищи, второй смене нужно на уроки. Давайте расходиться.

Вечером «обсуждали» передовицу, единодушно вынесли резолюцию с благодарностью «отцу народов» за заботу и внимание.

На другой день, во время большой перемены, в учительскую вошли двое в штатском, поздоровались, вежливо обратились к завучу с вопросом: могут ли они видеть преподавателя Медведя? «Наверное родители учеников», — подумал Бурин.

Наверное то же подумал и завуч, равнодушно сказавший:

— Товарищ Медведь, к вам . . .

Посетители подошли к Медведю, спросили разрешение сесть, сели на диван справа и слева от Медведя и один из них, что-то тихо сказал ему. Медведь побледнел, посетители встали, встал и Медведь. Между посетителями, еще больше чем обычно согнувшись, пошел к дверям.

«Вот так придут и за мной! — чувствуя, как холодеет на душе, подумал Бурин. — За болтуном».

ГЛАВА IV

Бурин жил уже не один: к нему приехала мать и он получил другую квартиру — хату крытую камышом. Хата стояла на углу квартала; при ней был большой двор с огородом, а за ним — фруктовый сад, тянувшийся до середины квартала.

Мать сильно постарела и трудно уже было в ней узнать некогда блиставшую красой и нарядами полковницу. Но что-то, помимо ее воли, осталось, что заставило станичников относиться к ней по-особенному: в ней они чувствовали барыню. Мать знала это и боялась. Боялась бросить тень на сына. Она многое простила власти за то, что та позволила ее сыну стать интеллигентным человек, дала ему приличную работу. Бурин понимал мать, понимал что она прощает из-за него и *для* него. Сам он всегда помнил отцовские слова: «Лес рубят, — щепки летят!» Помнил и тоже оправдывал многое, оправдывал действия, в результате которых во все стороны летели щепки, поскольку верил, что «рубят лес» на пользу народу. Постепенно, еще студентом, видя как отнимается у людей не только свобода действий, но и свобода мысли, стал все более и более отчетливо понимать, что не «лес», а народ рубят и нет рубящим оправдания.

**
*

Наступила кампания по подготовке к выборам в Верховный Совет. Газеты надрывались крича о «самых свободных выборах в мире», об «единстве блока коммунистов и беспартийных», о качествах кандидатов выставляемых этим блоком. Бурин читал, скучал и злился. В кампании принимать участие не хотел.

Вечерело. Бурин сидел у стола и проверял тетради. Мать копошилась в своей комнате — кухне, — готовила ужин. Вдруг раздался громкий стук в дверь. Стучали чем-то твердым. «Так стучат *они!*», подумал Бурин идя к двери.

Открыл и . . . вздохнул с облегчением: у двери стоял колхозник рассыльный.

— Здравствуйте, Иван Иванович! Вам из стансовета, — и рассыльный протянул Бурину бумагу.

— Нужен ответ? —

— Мабудь нет. Ничего не сказали. Прощевайте!

Вернувшись в комнату Бурин развернул бумагу и прочел: «По получению сего, немедленно явиться ко мне. Уполномоченный РОМ НКВД Смирнов». Сердце ёкнуло.

— Что там? — спросила мать.

— Да ничего. Посыльный из стансовета. Зачем-то вызывают.

— Вызывают? Зачем? — с тревогой спросила мать.

— Ах, ерунда! — чтобы успокоить ее сказал Бурин. — Вечно всякие собрания.

Стараясь чтобы мать не заметила взял запас табака, немного денег и, сделав веселое лицо, попрощался и пошел.

Шел хлопая сапогами по жидкой грязи, скользил в ней и думал: «Если бы хотели арестовать, то зачем присылать рассыльного, что за спешка? .. А может быть и спешка ... Что я говорил в последнее время *такого?* ... Кажется ничего. Может быть и на самом деле собрание? Но причем тут РОМ НКВД? Приду — и посадят. А за что? Я ничего *такого* не сделал» ...

У двери стансовета остановился, не решаясь ее открыть. Хотелось повернуться и убежать, чтобы спрятаться от показавшегося неотвратимым ужаса. Потом подумал, что нельзя показывать страх: может быть и нет ничего страшного. А покажешь страх, признаешься в своей враждебности: по газетам — только враг боится «доблестных чекистов». Зашагал по ступеням, открыл дверь, дошел до таблички «Уполномоченный РОМ НКВД», помедлил секунду и постучал.

— Войдите!

Сделал веселое лицо, вошел и так же весело, как с другом, поздоровался. Подумал» «Смирнов один, а если бы ...»

— Садитесь, Иван Иванович, — почтительно сказал Смирнов.

На душе у Бурина отлегло.

— Вот, Иван Иванович, в чем дело: через полчаса в станичном клубе предвыборное собрание. Мы и сами не ожидали этого, да приехал секретарь райкома, велел собрать. Рассыльные по станице бегают. Вот и вызвал вас. Нужно на собрании выступить с предложением кандидата. Вы беспартийный, вас знают, вот и хорошо будет, если вы выступите.

— А что же я буду говорить о кандидате? Я же ничего о нем не знаю!

— Это ничего! Вот газета, в ней все, что нужно, о кандидате. Вы человек интеллигентный, прочтете — всё будете знать. А говорить вы умеете, — Смирнов рассмеялся.

Бурин взял газету и принялся читать, подчеркивая особо важные места.

В клубе, разместившись за покрытым красной материей столом, начальство открыло собрание, провело выборы самих себя в президиум. Бурин, ожидавший за кулисами, давно привык к таким «выборам», принял их как должное и совершенно нормальное явление.

После нескольких коротких вступительных речей было объявлено: «Слово имеет преподаватель средней школы, товарищ Бурин».

Бурин пошел к пульту оратора, тоже обтянутому красной материей. Положил на него газету и посмотрел в затемненный зал. Оттуда на него глядели сотни глаз «избирателей» колхозников, многие, как показалось ему, с укоризной.

«Ну что ж? — подумал он. — Пусть дураки укоряют, а умные поймут, что мне приказано так говорить».

— Товарищи, — заучено начал Бурин. — Великий Сталин... — он бросал в зал вычитанные и заученые трафареты, хвалил и ему и другим неизвестного кандидата, видел безразличные лица в зале и когда кончил выкриком: «Да здравствует наш вождь и учитель, великий Сталин!» все аплодировали, как заводные куклы.

Идти в зал к людям, которым он только что подносил как свое мнение газетную пропаганду, не хотелось. Бурин вернулся за кулисы, услышал тихо сказанные слова:

— А что, если не выберут?

И услышал ответ секретаря райкома:

— Выберут. Если партия хочет, — не могут не выбрать.

Когда голосовали Бурин не сомневался, что «выберут», но все же посмотрел в зал и увидел лес рук «единодушно» поднятых за поднесенного по приказу кандидата.

* * *

Через несколько дней в школу пришел председатель колхоза, важно, как о чем-то праздничном, сказал, что вечером будет говорить по-радио «сам наш любимый вождь» и нужно обеспечить радиоприем. И обратясь к Бурину, попросил его прийти на колхозный узел и наладить прием. Бурин согласился: отказаться было невозможно, хотя такое дело, как обеспечение приема речи «самого Сталина», случись что-нибудь с радиоаппаратурой, могло окончится обвинением во вредительстве. Отказ повлек бы за собой немедленное обвинение в том же.

Вечером на радиоузле собрались начальники и колхозный актив. Простые люди могли слушать речь в клубе или, у кого были радиоточки, дома. Пока Бурин налаживал аппаратуру узла в обычное время управляемого полуграмотным киноператором, собравшиеся переговаривались, с явным нетерпением ожидая речь «вождя и учителя». Вот аппаратура готова. Последние минуты ожидания и в полной тишине, наконец, раздались слова: «Внимание, внимание, говорит Москва . . .» Ожидание стало давящим: вот-вот из громкоговорителя зазвучит могучая речь, зычные слова могучего богатыря. Вдруг заговорил кто-то хриплым голосом с силь-

ным кавказским акцентом. Слушатели с изумлением переглянулись: не богатырская речь. Бурин подумал, что вот кто-нибудь скажет, что он не ту речь принимает, да и у него самого, на мгновение, была такая же мысль.

Слушатели, переглянувшись, посмотрели на Бурина, увидели его невозмутимое лицо, поняли что никакой ошибки нет — говорит Сталин — и сделав приличествующие случаю мины принялись слушать.

Бурин смотрел на них и думал, что они сейчас, с великим и с трудом скрываемым разочарованием слушают коверкающего слова Джугашвили, не сумевшего даже научиться говорить без акцента по-русски и не могут больше верить, что этот грузин может быть мудрым и великим.

Это выступление Сталина было очень большой ошибкой: для многих из мудрого вождя и учителя он превратился в злого грузина.

* * *

На педсовещании, вечером после уроков когда все чувствовали усталость и хотели идти домой, стоял вопрос о добровольной подписке на госзаем.

После короткого вступления директора слово взял Миртоп.

— Товарищи, — начал он, — наше растущее государство, руководимое великим Сталиным, дает нам возможность еще лучше содействовать в строительстве прекрасного будущего, указанного нам великим вождем Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Мы должны идти по пути, указанному мудрым отцом народов великим Сталиным . . .

«Вот чёртов Миртоп! — подумал Бурин. — Как свою преданность показывает: «великий», «могучий», «отец

народов», «Иосиф Виссарионович». Сейчас предложит на месячную зарплату подписаться. Знает стервец, что другого выхода нет». А Миртоп продолжал:

— Лучшие люди нашей страны с энтузиазмом откликнулись на призыв и подписались на заем. Я, подписываюсь на месячную зарплату и призываю всех вас последовать моему примеру!

Немедленно появились подписные листы и всё шло гладко — все подписывались — и вдруг...

— Не могу я на месячную! — услышал Бурин голос Веры Ивановны Кочубей. — Мне и так на жизнь не хватает... Не могу!

Вера Ивановна была вдовой знаменитого партизана Кочубея, повешенного белыми. Получала она двести рублей, на которые едва могла питаться и прокормить своих двух сыновей. Зато ее, как вдову героя гражданской войны, всегда вытаскивали на собраниях в президиум, всегда показывали как пример. И вот теперь, она не хочет подписаться на заем!

Принялись ее уговаривать. После долгих уговоров, в которых принял участие и Бурин, Вера Ивановна поняла, наконец, прикрыто подносимую ей мысль, что подписка совершенно обязательна и, плача, подписалась. Все вздохнули с облегчением.

Перешли к другим вопросам повестки дня. Глядя на заплаканную Веру Ивановну все хотели поскорей окончить совещание и разделаться с поставленными вопросами. А тут, опять выступил Миртоп. Вместо того, что бы закончить свое выступление в одну-две минуты, он стал тянуть, самоуслаждался возможностью поговорить, то и дело возглашал здравицы Сталину и требовал этим аплодисментов, опять говорил, опять возглашал здравицы.

Бурин не вытерпел, толкнул Миртопа и шепнул:

— Сергей Кондратьевич, кончай!

Тот посмотрел на Бурина и, как ни чем ни бывало, заговорил опять. Все сидели вытирая лица платками, а Миртоп говорил и говорил. Наконец завуч не выдержал, и сказал:

— Сергей Кондратьевич! Утром нужно на уроки. И выспаться нужно.

Миртоп хотел что-то возразить, но все поднялись и заспешили к выходу.

Бурин, злой на Миртопа, за длинную и ненужную речь его, громко сказал:

— Ну, подожди, Сергей Кондратьевич! Сегодня ты нас пропарил, а в другой раз я тебя пропарю!

Следующее педсовещание было торжественное. На нем присутствовало станичное начальство. Когда совещание уже подходило к концу Бурин взял слово. Он говорил долго и неясно, внимательно следил за присутствующими и как только замечал попытку прервать его, возглашал здравицу «великому», «мудрому». В такой момент приходилось аплодировать. Учителя, привыкшие, что выступления Бурина всегда короткие и он ограничивается только необходимым, сначала удивились его многословию, но потом, вспомнив что он обещал на последнем совещании «пропарить» Миртопа, заинтересовались игрой. Потели и томились начальники, злился Миртоп. Бурин говорил и говорил, буквально толок воду в ступе и каждый раз когда он провозглашал очередную здравицу, его поддерживали аплодисментами увлеченные затеянной им игрой учителя. Начальство томилось, потело, но тоже аплодировало. И Миртоп вынужден был аплодировать. Время позднее, потеет начальство, злится Миртоп, а сделать ничего не может: как только он хочет прервать Бурина, тот

немедленно начинает говорить о Сталине, об его отцовской заботе, о мудрости его, — такие слова нельзя прерывать.

Наконец, заметив что учителя уже начинают терять интерес к игре, Бурин кончил и был награжден ими за пропарку Миртопа и начальства аплодисментами.

***

К концу учебного года Бурин добился в своих классах хорошей успеваемости. Ученики стали понимать то, что преподавал им он; стали понимать и высоко оценили отношение к ним Бурина сумевшего сделать, ранее для них неинтересную и сухую математику интересным и живым предметом. Иногда задавали ему вопросы не относящиеся к математике. Бурин старался и на них ответить. Такие вопросы ставились главным образом учениками десятого класса. Иногда это были вопросы касающиеся политики и требующие, иногда, ответов порицающих советские мероприятия. В таких случаях он говорил, что тема ему не знакома и советовал спросить преподавателя обществоведения. Ученики всегда удовлетворялись таким его ответом и, так как никогда не спрашивали преподавателя обществоведения, Бурин понял, что они принимают его совет спросить обществоведа как молчаливое порицание дел власти. Он понимал, что за это, если кто-нибудь донесет, ему может быть очень плохо, но верил в ребят и не боялся.

***

В большом зале школы устроили выпускной вечер. На сцене, за покрытым красной материей столом, разместилось начальство, школьное и районное.

После зав. районо говорил директор. Кончил он и, под аплодисменты, ему поднесли букет цветов. После выступил завуч. Бурин внимательно слушал. Вдруг его кто-то тихо окликнул. Обернулся. Возле стоит Шечков, секретарь комсомольской организации школы, тот самы, с которым Бурин «воевал, когда у него «болела бабушка», «портился будильник». Шечков нагнулся и прошептал:

— Иван Иванович, *эти* приказали не подносить вам букет . . . Вы не обижайтесь, мы хотели, а *они* сказали, что вы не вели общественной работы, мы . . .

— Ничего, — прервал Бурин, — спасибо что сказал! А я и без букета обойдусь. Не в букете дело.

В это время завуч кончил свою речь. Ему поднесли букет цветов и, поклонившись аплодируюшим ученикам, он вернулся к столу президиума.

Слово предоставили Бурину. Он пошел на сцену. В зале стало тихо — тишина ожидания. Бурин говорил не долго, пожелал выпускникам успеха, выразил надежду, что они сумеют применить полученные знания на пользу народа и хотел уйти со сцены, но вдруг . . . в зале все встали, зааплодировали, закричали, затопали ногами. Бурину показалось, что они вот вот кинутся на сцену. Ничего подобного Бурин не ожидал. Это была невиданная еще в школе овация. «Вот это, — подумал Бурин, — лучше тысячи букетов». Зал грохотал, районное начальство с досады кусало губы. Бурину, чтобы успокоить ребят, пришлось опять говорить.

Неожиданная овация так обрадовала Бурина, так радостно взволновала, что он долго не мог заснуть. Думал, что для таких ребят стоит жить: они понимают гораздо больше, чем можно было, казалось, ожидать. Они ищут *справедливостъ,* в окружающем их теперь

море несправедливости. Вот несправедливость — запрещение поднести ему букет — вазмутила ребят и они, ученики старших классов, ухитрились в несколько секунд сообщить об этой несправедливости, по «телефону из уха в ухо» ребятам тех классов, где он и не преподавал. И как *все* ребята реагировали! Как они реагировали!! Для таких ребят стоит жить, даже в вечном страхе наказания за «греги» и без них. Вот теперь и выпускникам придется столкнуться с реальной *советской* жизнью уже как взрослым людям. Рассеются многие иллюзии, исчезнут многие надежды. Страшная действительность схватит их за горло; многие будут вынуждены идти на компромиссы с совестью . . . а некоторые, может быть, и потеряют ее, уж очень жестока действительность, ежечасно, ежеминутно толкающая на преступления, иногда настоящие, а чаще всего — преступления в кавычках.

Бурин вспомнил одно такое преступление, совершенное им.

Приближался сезон охоты. Бурин имел порох и была надежда опять получить его, а вот с дробью — беда. Хочешь получить дробь, сдай убитую дичь. А как настрелять эту дичь без дроби? Смешно, но . . . заколдованный круг! Бурин нашел выход из этого круга. У него были знакомые медники на заводе. Они работали с баббитом, — смесью свинца и других металлов. Бурин знал что из этого баббита можно выделить чистый свинец, нужный для изготовления дроби. Вот этот свинец и нужно было достать. В воскресение Бурин поехал в Тихорецк к знакомому меднику.

На стук вышел хозяин в майке, стареньких заплатанных штанах и с тапочками на ногах.

— А, Ванюшка, здорово! Заходи. С чем Бог принес?

— Да, вот, принес . . . Поговорить надо.

— Поговорить? . . Пойдем в сад.

В саду, сев на скамеечку у стола под яблоней, Бурин, оглядевшись по сторонам и убедившись что никто не может подслушать, объяснил причину своего посещения.

— Да-м . . . достать можно . . . только . . .

— Что «только»?

— Недешево будет . . . по три рубля за килограмм.

— Это не беда! . .

— А тебе сколько нужно?

— Да килограмм двадцать.

— Двадцать сразу не вынесешь. Раз двадцать «десяткой» рисковать придется, а то . . . и еще хуже. Я уж и не знаю . . .

— Чего там «не знаю»? — поспешил сказать Бурин, испугавшись что медник откажется. — Мы ведь свои люди!

— Мы-то свои, а вот на проходной . . .

— Что «на проходной»? Разве уже обыскивают охранники?

— Пока еще нет. Не ощупывают, если нет подозрения. Я свинец полосками налью и, как пояс, на тело надену. Не заметят.

— Конечно, не заметят.

— Ну ладно! Только подождать придется. Раньше, чем через месяц не наношу.

Через месяц Бурин собрался, укрепил на багажнике велосипеда мешок для свинца и поехал. Было начало осени, кубанской осени: на дорогах лежала серая горячая пушистая пыль, такая пушистая, что, казалось, разлеталась без всякого сопротивление перед впивающейся в нее шиной велосипеда. Бурин поглядел на эту шину и вспомнил, как он ее купил.

Был в Ростове по делам и идя по улице, увидел спешащих стать в очередь людей. Очередь была необыкновенная: по четыре в ряду и такая длинная, что не было видно где она начинается.

— Что дают? — спросил Бурин.

— Велосипедные шины.

Бурин посмотрел на огромную очередь, подумал что становиться в нее нет смысла и хотел уже уйти, но тот, с кем он говорил, добавил:

— Шин, говорят, много. Всем хватит. Да и очередь подвигается быстро.

Бурин стал в очередь и подумал что стоит как в военном строю. Услышал какой-то счет и увидел милиционера отсчитывающего ряды людей.

Милиционер, отсчитав десять рядов, сказал:

— Так и двигайтесь, по сорок, до магазина. С другими не смешивайтесь!

Впереди стоящая группа продвинулась сразу на несколько шагов. Двинулась и группа, в которой оказался Бурин. Скоро он увидел зеленые кафельные стены магазина «Госмашина», ранее магазина швейных машин Зингера. Увидел и понял, почему ему очередь показалась бесконечной: она стояла с двух сторон. Вот открылись двери и проглотили одну группу. Возле другой стоят милиционеры и один что-то объясняет. И эта группа исчезла в магазине. Бурин то и дело делал несколько шагов вперед. Наконец он у двери. Милиционер объясняет:

— Товарищи, приготовьте деньги в расчет. По два рубля пятьдесят копеек. Когда двери откроются, так по четыре и идите. В магазине всё подготовлено.

Все принялись готовить деньги. Дверь открылась, Бурин с другими, с деньгами в руке, кинулся в магазин.

— К кассе! К кассе, — повторял милиционер у двери и указывал направление. — Быстро! Быстро!

Бурин подбежал к кассе, сунул в окошко деньги, схватил тотчас же поданную оттуда квитанцию и побежал в направлении указанном милиционером у кассы. У прилавка стояли продавцы. Одной рукой они брали квитанции, другой — подавали шины. Не успел Бурин получить шины, как стоявший рядом милиционер заторопил его, показывая выход. Так, проскочив почти бегом через магазин, Бурин очутился во дворе с выходом на другую улицу. Тут только мог он разглядеть полученные им шины. На черной резине желтые буквы: «Брак».

— Что же это такое? — растерянно сказал Бурин. — Почему продают брак?

— А вы не волнуйтесь, — сказал человек рядом с ним. — Этот брак лучше первого сорта. На экспорт готовили, да из-за узора их не приняли.

Приехав домой, Бурин через несколько дней зашел к Миртопу. Почти сейчас же тот сказал:

— Эх, Иван Иванович, ну и шины же я себе купил! Первый сорт, — и показал эти шины. На них действительно стояли штемпели «Первый сорт».

— А сколько заплатил? — зная что Миртоп мог сделать эту покупку только на базаре, спросил Бурин.

— Дорого. Сто двадцать рублей. Но зато первый сорт.

— А я купил в Ростове за два рубля пятьдесят копеек.

— Что купил за два рубля пятьдесят копеек?

— Да шины.

— За два пятьдесят?! Не может быть!

— Вот тебе и «не может быть». На них, правда, штемпель «Брак», но шины хорошие.

— Брак не может быть хорошим. Мои, по крайней мере, первый сорт.

Бурин не стал возражать.

Еще через несколько дней Бурин и Миртоп ехали на велосипедах на охоту. Было очень жарко. Вдруг Миртоп заволновался, закричал:

— Стой! Стой!

— Что случилось?

Миртоп показал на шину своего велосипеда.

— Смотри! Облазит.

Бурин увидел, что резина с шин первого сорта облущилась как скорлупа. Тут он вспомнил слова человека в очереди: «Этот брак лучше первого сорта» и подумал: «Действительно, — это так».

Сейчас бескрайняя степь миражами струилась нагретым воздухом, пахла пылью, стырней и сеном, успокаивала тишиной. Казалось что в этой тишине необъятной степи, покрытой как куполом еще более необъятным пыльным небом, должен быть только мир, но идущая параллельно дороге насыпь с рельсами напоминала совсем о другом. По этой линии во время раскулачивания шли длинные составы товарных вагонов битком набитые людьми, а на тормозных площадках стояли солдаты с пунцовыми петлицами и винтовками.

Всякий раз, когда Бурин видел такой состав, ему становилось стыдно, что он на свободе, стыдно перед людьми попавшими в государственную мясорубку без всякой вины по приказу «отца народов». И каждый раз Бурин успокаивал себя, думая: «Ничего я сделать не могу. Один в поле не воин. А с другими сговориться нельзя. Все слишком напуганы. Нужно ждать. Вот если случится что-нибудь такое, что потрясет власть, ослабит страх перед нею, тогда можно и нужно будет

выступить против нее. А до этого следует сохранять себя».

Вдали виден дымок, — поезд. Ближе и ближе. Вот он гремит уже мимо. Тоже товарный. Только среди красных вагонов один зеленый, пассажирский, с решетками на окнах. «Меняются времена,— думает Бурин. — Теперь в пассажирских возят. И конвоя не видно — в вагоне. Да и арестанты другие, уже чем-то провинившиеся. Вот и я, попадусь со свинцом, в такой вагон могу угодить. А разве моя вина, что иначе свинца не достанешь? Вот попробуй, докажи! И вся моя логика, все рассуждения о необходимости сохранить себя ничто, когда практика толкает на непреступное «преступление».

Медник встретил Бурина и опять провел в сад.

— Сиди и наслаждайся, а я под деревьями «червячков» накопаю.

Бурин наблюдал за медником, выкапывающим из-под деревьев свернутые спиралями полосы свинца и кладущим их в мешок. Наконец медник кончил, передал Бурину тяжелый мешок и сказал:

— Ну вот, слава Богу, всё . . . У меня от них бока болят, от этих свинцовых поясов, — в тело впиваются, — получил шестьдесят рублей и кончил: — Ну, ничего! Кати домой, верти дробь. Ни пера, ни пуху!

Бурин, укрепляя мешок на багажнике, заметил, что от лежащей на нем тяжести он качается; кажется, вот-вот отломится. «Вот чертовщина, — подумал он, — как я об этом не подумал? Сверток маленький, а багажник еле выдерживает. Как бы кому не показалось подозрительным» . . .

Ехать нужно было мимо целого квартала домов занятых под квартиры работников НКВД, а на углу это-

го квартала стояло здание с подвальными окнами, закрытыми деревянными козырьками так, что в подвал проникал свет, но видно ничего не было. Можно было, этот квартал объехать, но Бурин не захотел удлинять путь, да и какое-то упрямство подталкивало. Проехал, объезжая выбоины, балансируя, стараясь чтобы багажник не качался.

Дома поделил свинец между хорошо знакомыми охотниками, среди которых был и Миртоп.

Бурин, когда Миртоп довольный уходил со свинцом под мышкой, думал, что этот самый Миртоп всегда так старается показать свою «сознательность», «преданность», сейчас несет свинец и радуется, хотя не может не знать, что он краденный. И другие, — тоже. Все они — соучастники преступления. Может быть Миртоп тоже показывает свою *советскость* потому, что хочет сохранить себя для нужного момента; тоже надеется, что этот момент придет. Но лучше не откровенничать, а ждать каждому в отдельности и объединиться, когда настанет время.

Занимало Бурина и то, что все охотники изготовляли дробь — отливали в самодельных «дроболейках» или, протянув свинец через конусные отверстия в стальных пластинах, сделав таким образом из него проволоку, резали ее на кусочки, катали дробь на сковородках. И все делали это совершенно открыто; и все знали, что свинец нигде не продается, значит, — краденный.

Вспомнил Бурин свою первую встречу на охоте с охотниками станичниками. Рано, задолго до рассвета, собрались в хате на окраине станицы. Комната была

битком набита: было человек тридцать. Одеяния были самые разнообразные, но у всех потрепанные, старые. И Бурину показалось, что он одет слишком шикарно. Встретили его и Миртопа почтительно и приветливо, но чувствовалось что своими не признавали. Все шутили, смеялись, но то тот, то другой, отпустив «соленую» остроту, как бы с опаской поглядывал на учителей. Общее внимание привлекла бескурковка Бурина, наследство от отца спасенное Андриановым. Смотрели, хвалили за красоту, тщательность обработки, но калибр двадцатый признали слишком малым. Все привыкли к крупнокалиберным ружьям и признали двадцатку «мелкозеркой».

На дворе засерело. Вышли из хаты и, тут же разделившись на три группы, пошли «гаем». Одна партия, растягиваясь гуськом, пошла по дуге вправо, другая — влево, третья осталась на месте, постепенно растягиваясь в цепочку. В ней оказался и Бурин. На востоке алела полоса неба и на ее фоне особенно отчетливо были видны силуэты охотников. Цепочка все больше и больше растягивается. Уже светло. По цепи что-то кричат. Наконец Бурин понял, кричат «сошлись». Значит, кольцо сомкнулось. «Пошли!» — закричали соседи, и двинулись вперед. Вот далеко, в середине круга, заметались малюсенькие, словно катящиеся по земле точки, — зайцы. Много таких точек и все, пока, в середине. Вот одна точка покатилась в направлении людской цепочки, остановилась, метнулась назад в круг. Цепь охотников сжимает катающиеся точки. Они постепенно увеличиваются и превращаются в прыгающие, словно резиновые, колбаски. Охотники идут во весь рост: был уговор не прятаться, чтобы все имели одинаковые шансы. Вот, видит Бурин, одна колбаска катится на охотников, не докатилась и пошла парал-

лельно цепи фигурок. Далеко. Но, видно, велик соблазн, одна фигурка остановилась, нагнулась вперед, что-то толкнуло ее дважды и перед ней возникли два облачка. Качнулась вторая фигурка и перед нею тоже дымки. Заяц бежит. Та-там, та-там, донеслись выстрелы. Качаются фигурки, громче и громче бухают выстрелы. Вот уже заяц хорошо виден: бежит вдоль цепи, прижав уши. Вот уже сосед вскинул ружье, дважды выстрелил и . . . заяц бежит мимо Бурина. «Стоит ли стрелять на таком расстоянии? — мелькнуло в уме и тут же последовало желаемое самооправдание: — Попробую: ружье бьет кучно».

Вскинул двадцатку, выпередил, нажал спуск. Хлопнул выстрел, заяц запнулся и, подняв пыль, перевернулся несколько раз и остался на месте.

— Дывы, мелкозерка!!! — услышал Бурин изумленный голос соседа.

Зайцы, зажатые в кругу, не видя выхода пошли на прорыв. Повсюду забухали выстрелы, закувыркались зайцы и всё кончилось Все собрались возле подводы, взятой из колхоза, чтобы складывать на нее дичь.

Опять ружье Бурина в центре интереса.

— Ну, мелкозерка! — толкует шедший в цепи рядом с Буриным. — Стрельнула слабо, как пробку из бутылки выдернули, а шарахнула, что из зайца аж пух полетел. Здорово!

Разошлись опять. Теперь группа, в которой был Бурин, пошла на правый фланг. Миртоп шел сзади Бурина, шедшего вторым. Цепочка уже растянулась. Видно передних левого фланга. Сошлись. Стали. Между охотниками расстояния шагов в двести. Бурин подумал, что теперь средняя группа уже двинулась и могут бежать на цепь зайцы. И увидел фигурку с поднятым ружь-

ем. Увидел, как качнулась она, толкаемая отдачей. Вот качнулась вторая, третья. Донеслись парные звуки выстрелов: заяц опять бежит вдоль цепи стрелков.

Сосед Миртопа вдруг побежал вперед: хочет перехватить зайца. Это против правил. Миртоп кричит ему, а тот не обращает никакого внимания: выбежал, вскинул ружье и под раскат выстрела заяц перекувырнулся в воздухе.

Круг сжимается, сжимается и цепочка, в которой стоят Бурин и Миртоп. Бурин видит что на Миртопа, наискось, бежит заяц. Опять выбегает сосед Миртопа. Опять после его выстрела летит кувырком заяц. Опять кричит Миртоп, что выбегать нельзя, — это против правил, что заяц шел на него.

— «Ишь, ни во что его ставит, — подумал Бурин. — Посмотрим, как будет себя вести мой сосед». И в это же время увидел катящегося не него, тоже наискось, зайца. Сосед засуетился и сунулся вперед.

— Эй вы! — крикнул Бурин, но тот только отмахнулся.

Бурин вдруг запустил невероятным, заводским, буквально в стихах, матом. Сосед замер на месте с открытым ртом. Заяц мотнулся в сторону, налетел на другого станичника и под гром выстрела перевернулся в воздухе. А сосед все еще растерянно стоял на том же месте.

Когда круг сошелся, охотники смеясь окружили Бурина.

— Ну и отбрил *ты* его! — с одобрением сказал длинный Стецько. — У него аж уши повисли. Больше вперед не сунется!

Бурин заметил, что хотя Стецько сказал ему «ты», это было «Ты» — с большой буквы.

**
*

Не раз, потом, думал Бурин об этом почтительном «ты» и звучавшем чуждостью «вы». Много столетий величал народ своих царей «ты, батюшка»; жизнями жертвовал за них, верил что любят они народ, а ответственными за несправедливости считал бояр, думал что они теснят народ и скрывают от «батюшки царя» правду. А бояре эти, в последние столетия, сами расширяли пропасть между собой и народом: ездили по заграницам и транжирили там деньги, дома даже свой язык отвергали — французили и дофранцузились до страшной народной расправы.

Теперь, как будто, всё должно быть по-иному. Бояр-то нет! Кругом свои, из народа. Да только что-то не так. Уж очень много притеснений, мало свободы. Идет в народе тайная поговорка: «За что боролись, на то и напоролись». И двоится в сознании людей: ненавидят власть и не могут не считать многих ее представителей своими. Знают, что гибнут многие начальники, обвинененные властью в грехах, которые народ грехами не считает. Судят, например, председателя колхоза за «разбазаривание», а знают люди, что не разбазаривал он, а старался облегчить участь ихнюю. Друг он людям, а приказывают называть его врагом. И бродит в народе злоба против власти, нарастает бессильная ненависть против «царя» Сталина и его опричины.

ГЛАВА V

За несколько минут до начала уроков, придя от директора, завуч распорядился:

— Соберите в классах *все* тетради и после урока немедленно сдайте мне.

— Как все?! — вскочил Миртоп. — По своему предмету или . . .

— Я сказал по-русски — все, значит все! — раздраженно перебил завуч. — Все без исключения: классные, домашние и . . . черновые.

«Странно, — подумал Бурин. — Такого еще не бывало», но от вопроса воздержался.

Принеся в учительскую стопу тетрадей, Бурин положил ее на стол завуча. Скоро на столе не осталось места и завуч, указав на пол справа, сказал:

— Кладите сюда. После уроков не расходитесь. Ждите меня здесь.

— А что будем делать без тетрадей? — спросила Кочубей. — На чем ученики будут писать?

— На доске, — буркнул завуч и, озлобляясь, добавил: — Что спрашиваете, как маленькая? Думать побольше следует!

После уроков завуч пришел в учительскую вместе с директором. Тот оглядел собравшихся. Спросил:

— Все в сборе?

— Все, — выскочил Миртоп.

— Я тебя, Сергей Кондратьевич, не спрашиваю, — нелогично и грубо перебил директор.

Бурин подумал, что сейчас Миртоп не виноват: директор ко всем обращался. А тот обратился к завучу:

— Проверьте по списку!

Завуч стал читать фамилии. Все были налицо.

— Вот что нужно сделать, — сказал директор. — Возьмите каждый, тетради своего класса, пересчитайте, потом Николай Васильевич зарегистрирует сколько у кого тетрадей. Потом, — он замялся, — обдерите обложки к сдайте их, по числу тетрадей, Николаю Васильевичу под расписку.

В учительской наступило изумленное молчание. Его нарушил завуч.

— Чтобы не перепутать напишите на первых страцах тетрадей фамилии учеников, чья тетрадь.

— А что делать потом с этими тетрадями? — недоуменно спросила опять Кочубей.

— Тетради нужно будет раздать ученикам.

— Как, без обложек? Как им объяснить . . .

— Без обложек, — жестко перебил директор. — А объяснять нечего . . . Понятно?

Все занялись особенной работой: обрывали обложки, надписывали на первых листках тетрадей фамилии их хозяев. Начали сдавать обложки завучу. Тот принимал, отмечал число сданных, давал расписаться. Когда все обложки сдали, директор разрешил идти по домам.

Было уже поздно, но Бурин, не садясь за поданный ему матерью ужин, принялся искать тетрадь с такой же обложкой, которую нужно было оборвать. Нашел, принялся разглядывать напечатанную на ней репродукцию знаменитой картины «Вещий Олег», где князь

изображен возле черепа коня своего. Повертел, повертел и ничего особенного не увидел.

— Иванчик, что ты там? Ужин совсем холодный будет. Иди есть! — позвала мать.

— Иду, иду, — и пришел к столу с тетрадкой в руке.

— Что ты тетрадку в руках держишь? Не можешь без тетрадок и поесть!

Бурин рассказал о сегодняшних событиях.

— И ничего особенного я в этой обложке не вижу, — окончил он.

— А, может быть, ничего особенного и нет.

— Как нет? Зачем же было нужно обдирание? Что-то есть.

Ел, поглядывал на тетрадку и ничего не находил.

После ужина ушел к себе. Положил тетрадку на стол и стал систематически поворачивать ее и разглядывал под разными углами зрения. Уже хотел бросить это занятие и заметил: из узоров на мече Олега и завити ремней его обуви складывались буквы. Вгляделся и . . . захватило дух. Прочел: «Долой ВКП(б)!»

Вот почему понадобилось обдирать обложки. Испугались, что призыв подействует. А его, вероятно, мало кто и заметил бы, как не заметил и он. А теперь, когда ободрали обложки, все заметят. Ведь у кого-нибудь остались тетради, и их теперь обязательно рассмотрят.

«Я никому не скажу, — подумал Бурин. — Другие учителя, наверное, тоже будут молчать, а детвора? . . Эти найдут секрет. Вот какой-то неведомый настоящий вредитель врисовал в картину призыв. Он наверное погибнет. Он скрыться не сможет. И дело его, вероятно, не дало бы никакого результата, оставшись незамеченным. Помогли «вредители» по глупости и — сознательные. Можно же было постепенно и незаметно заменить тетради. Нет сделали все сломя голову, всем

заметно! Дошел призыв до масс, показал им что есть кто-то борющийся с властью, а обдирание показало, что власть массам не доверяет, боится их».

***

Опять появились в газетах сообщения о выпуске нового займа, о «сознательных» людях, подписавшихся теперь уже на полуторамесячную зарплату. Директор назначил собрание, указав, что будет обсуждаться вопрос о подписке на заем. «Что уж тут обсуждать? — подумал Бурин. — Приказали — на полуторамесячную, значит подписываться надо».

Вечером, когда директор открыл собрание и объявил, что на повестке вопрос о займе, все приняли это как неминуемое, а Миртоп даже зааплодировал. Бурин посмотрел на Веру Ивановну Кочубей. Она сидела в пальто и на лице ее было отчаяние. Бурин уже хорошо знал почему она не снимает пальто: под ним было платье, которое она стыдилась показать, до того оно было покрыто заплатами.

Директор начал говорить речь о «росте благосостояния, о «заботе великого вождя» и перешел к «любви трудящихся к партии», «призывам лучших людей»... Бурин сидел и почти не слушал. Он знал, что когда это нужно будет Миртоп зааплодирует, зааплодируют другие и он сам, а потом... все подпишутся. Смотрел на Веру Ивановну и думал: «Вот она, вдова легендарного красного героя. А как она выглядит? Сторожиха и та лучше одета... А когда ее в последний раз вытягивали в президиум на колхозном собрании, как измученно выглядела она? Что она скажет теперь?.. Опять, как в прошлом году, начнет плакать?» Тут Миртоп зааплодировал, и Бурин, отвлекся от своих размышле-

ний, но, аплодируя, все же посмотрел на Веру Ивановну. Она еще больше сжалась, будто потеряла последнюю надежду. Она не аплодировала.

— Товарищи! Разрешите ваши аплодисменты принять за единодушное согласие! — возгласил директор и уже без пафоса добавил: — Итак, подписываемся на заем в объеме полуторамесячного оклада. У Сергея Кондратьевича подписной лист.

Все облегченно задвигались. Со стороны казалось, что люди радуются возможности подписаться на заем, а они радовались тому, что окончилось собрание и, выполнив всё-равно неминуемую обязанность, можно идти домой. Только Вера Ивановна сидела в углу. Подписались уже все, кроме нее, и завуч позвал:

— Вера Ивановна! Идите, подпишитесь!

Она испуганно посмотрела, поднялась и, словно на ее плечи положили груз, пошла к столу, на секунду остановилась, потом подошла, подписалась, с обреченным видом вернулась на свое место и вдруг . . . расплакалась.

Стало очень тихо и в этой тишине особенно отчетливо звучали всхлипывания Веры Ивановны.

— Вера Ивановна, — смущенно сказал директор, — что вы?!

— Что я? — подняла она мокрое лицо. — Как вам не стыдно! . . — она хотела еще что-то сказать но ее поспешно перебил завуч.

— Вера Ивановна, голубушка?! Что вы? . . . Пожалейте себя и нас . . . — тут он замолчал, испугавшись что сказал лишнее и, растерявшись, добавил: — Ничего не поделаешь!

«Вот так сказанул! — подумал Бурин. — Если донесут, — его 'пожалеют'!»

Из школы Бурин вышел вместе с завучем. Несколько секунд молчали, потом завуч, будто думая вслух, сказал:

— Несчастная женщина . . . двое детей и ничтожная зарплата . . .

Боясь, что тот скажет еще что-нибудь рискованное, Бурин перебил Николая Васильевича и заговорил о необходимости спешить домой, так как еще нужно подготовиться к урокам. Заметил, что завуч хотел что-то возразить, подумал что завуч знает что его уроки после обеда и сейчас к ним готовиться не нужно. Но Николай Васильевич промолчал. Бурину показалось что Артов понял его и, попрощавшись, он поспешил домой.

ГЛАВА VI

Из военкомата прислали повестку о явке на комиссию по аттестации комсостава. Бурин показал повестку завучу и договорился с ним о замещении его уроков. В назначенный день поехал в Тихорецк.

В военкомате, когда Бурин пришел, уже было много, в большинстве знакомых, командиров. Как всегда перед всякими комиссиями и проверками сбивались в кучки и возбужденно переговаривались. Комиссия была в кабинете военкома. Наконец оттуда вышел начмоб и вызвал одного командира. Когда тот, через несколько минут вернулся в зал, его засыпали вопросами: кто там, о чем спрашивают?

— Сами увидите и услышите, — поспешил отделаться тот.

«Как в институте на экзаменах», — подумал Бурин.

Наконец вызвали его. Как всегда при всяких комиссиях сердце Бурина ёкнуло: можно всё ожидать, можно и исчезнуть после комиссии . . . Но сделал уверенное в себе спокойное лицо и вошел.

За длинным столом, покрытым красной материей, было пять человек. В середине сидел военком, справа от него — двое с пунцовыми петлицами и «шпалами»

на них, справа — двое тоже со «шпалами», но на черных петлицах.

— Командир взвода Бурин, по вашему приказанию явился.

— Садитесь! — сказал военком, указывая на стул стоящий напротив него.

Бурин сел и невольно со страхом в душе посмотрел на людей с пунцовыми петлицами. Возле них лежали какие-то тетрадки. «Вот в этих тетрадках, наверное, *всё* о нас записано, чем интересуется НКВД». В это время к нему обратился один из сидевших слева военных.

— Товарищ комвзвода, что такое ориентир?

«Детский вопрос», — подумал Бурин и обстоятельно ответил. Следующий вопрос, тоже несложный, задал второй военный. Бурин опять обстоятельно ответил. Так, чередуясь, они задали несколько вопросов, постепенно усложняя их. Отвечая на один из них Бурин замялся, потом, не будучи уверенным в правильности своих слов, заговорил и вдруг почувствовал что на его сапог что-то легло и придавило. Замолчал, понял что давит сапог военкома и, значит, его ответ неверный, стал говорить другое и почувствовал, что сапог не давит, значит теперь он отвечает правильно.

— Больше у меня вопросов нет, — сказал один из военных.

— У меня тоже, — сказал другой.

— Товарищ комвзвода, — начал сидящий справа, — ваша фамилия Бу . . . Бухарцев, кажется?

«Подкапывается, чёртов чекист! О Бухарине намекает», — подумал Бурин и сказал:

— Моя фамилия Бурин, — и с тоской подумал: «Сейчас начнут про родителей» . . .

Словно в подтверждение, второй чекист спросил:

— Кто был ваш отец?

«Ведь всё знает, — мелькнула мысль. — Хочет насладиться моим ответом: жандармский полковник», — невольно, будто ища помощи, посмотрел на военкома.

Тот вдруг встал, вытянулся во весь свой богатырский рост и повернувшись к чекистам резко сказал:

— Парень с девяти лет сирота, какое значение может иметь, кто его отец?! — и не дожидаясь ответа чекистов бросил Бурину: — Можете идти! — и протянул ему военный билет.

Бурин вышел. Остановился чтобы закурить, увидел что дверь кабинета открылась и в ней стоит военком.

— Бурин, — сказал тот, — иди сюда.

Бурин подошел.

— Вот, смотри, — к удивлению Бурина зашептал военком, — эти . . . твой билет требуют.

Бурин ожидал какую-нибудь неприятность, но сейчас не испугался: ему стало жаль военкома, доблестно бившегося в гражданскую войну, а теперь вынужденного шептать. Протянул ему военный билет.

«Вот тебе и номер! — думал Бурин выйдя из военкомата. — Теперь будут копаться, грехи разыскивать, а кто я, без билета? *Эти,* явно не считают меня достойным получить командирское звание, а раз так . . . А что они могут найти во мне грешного? Чем я провинился? А, все-таки, могут и невоеннообязанным сделать. Второсортным объявить. Тогда» . . .

В школе никто про аттестацию не спросил, Бурин обрадовался этому: неприятно ведь выдумывать какое-нибудь вранье.

Никто Бурина не тревожил, пока не пришло из спецотдела распоряжение дать данные о всех военнообязанных работающих в школе. Нужно было предъявить военный билет. Бурин сказал директору, что за-

был свой билет в военкомате и ему нужно туда съездить. Директор, как показалось Бурину, с сожалением на него посмотрел и дал разрешение на поездку.

«Что я буду говорить в военкомате? — думал Бурин глядя из окна вагона на мелькающие на фоне кукурузных полей телеграфные столбы. — Не они же отобрали билет. Они не отобрали бы, я в этом уверен. Значит, и стесняться нечего. Скажу прямо, что билет нужен. По крайней мере буду знать, кто я такой теперь».

В военкомате Бурина встретил начмоб, знавший Бурина по заводу, где они вместе работали.

— Слушай, — без обиняков сказал Бурин, — кто я такой без билета? Это знать нужно.

— Ты тот, кем и был до сих пор, — ответил начмоб. — Чего ты так горячишься? Даже не поздоровался. Я же ни в чем не виноват.

— Прости! И . . . здравствуй! Ты бы тоже горячился, если бы тебе нужно было бы билет предъявить, а ты бы его не имел.

— Конечно горячился бы.

Бурин объяснил что билет нужен из-за распоряжения спецотдела и спросил, где его билет.

— У нас его нет . . . *Эти* забрали и . . . молчат.

— Вот «хорошо»! А что же я должен делать?

— Ты вот сам скажи, что я должен делать, пока я тебе отвечу. Не я твой билет забрал!

— Это так, но ты пойми, — мне без билета беда! Что-то нужно сделать.

— Конечно что-то сделать нужно, — начмоб задумался, потом стукнул кулаком по столу и сказал: — Нет другого выхода: я тебе выпишу дубликат, а *эти*, мать их . . ., пусть делают, что хотят.

Начмоб достал незаполненный билет приготовился писать, потом встал, стал было что-то искать в шкафу, махнул с досадой рукой и захлопнув шкаф вернулся к столу.

— *Они* и дело твое забрали, — сказал он, — я, было, забыл. Ты мне даты скажи.

Заполнив со слов Бурина билет, начмоб с удовлетворением поглядел на свою работу, поставил печать и передал билет Бурину.

**
*

Были летние каникулы. Бурин сидел в саду под деревом и читал. Случайно взглянув на калитку увидел какого-то военного. Тот открыл калитку и вошел. Бурину бросились в глаза пунцовые петлицы и он, со вползающим в душу страхом, узнал форму НКВД. А энкаведист, увидя Бурина направился к нему. Не дошел несколько шагов и вдруг сказал:

— Здорово, Ванюшка!

Тут Бурин узнал в нем маляра, с которым работал на заводе. Вспомнил имя и сказал:

— Здорово, Гришка!

— Вот не ожидал я тебя встретить. Сколько лет невиделись!

— Да, много лет, — ответил Бурин и подумал: «Чёрт тебя принес. С хорошим не жди!»

— Я, вот, сюда по делу, да оно не убежит, присяду к тебе, — и Гришка положил принесенную папку на стол, сел стукнув кобурой нагана по спинке скамейки.

Гришка разговорился, вспоминая приключения, пережитые когда они вместе работали на заводе. Бурин слушал, иногда поддакивал и не мог отвязаться от чувства, что его ждет какая-то неприятность. Наконец

Гришка вспомнил, что пришел по делу и сказал:

— Слушай, Ванюшка, тут должен жить Бурин. Ты не знаешь, где он сейчас?

Вопрос не удивил Бурина. Он, вед, тоже не знал фамилию Гришки. На заводе были Ванюшки, Гришки, Мишки, Петрушки и так далее, и все — приятели.

— Бурин? .. А зачем тебе Бурин? — сохраняя самый невозмутимый вид спросил он.

— Да вот тут, — Гришка хлопнул рукой по папке, — дело на него. С ним и соседями поговорить надо. Ты мне скажи, где его найти.

— Да его и искать не надо. Он тут.

— Где «тут»?

— Рядом с тобой.

— Где «рядом»? Никого не вижу.

— А ты посмотри лучше.

— Да брось ты! — уже с досадой буркнул Гришка. — Где он?

— Я сказал: рядом с тобой. Бурин, — это я.

На лице Гришки появилось выражение чрезвычайного изумления, он пробормотал:

— Ты-ы!!

Потом вдруг поднялся, схватил папку и со злостью проговорил:

— Ты!! А они . . . гады, мать иху . . . Я . . . Да я . . . — он, показалось Бурину, готов был бы руками задавить *гадов*. — Я пойду, — и не прощаясь Гришка пошел к калитке.

«Вот, — думал Бурин после ухода Гришки, — работал он на заводе, верил красивым словам и пошел в НКВД, веря что идет на борьбу с врагами народа. Пришел, чтобы опросить врага, а встретил меня и не смог меня врагом осознать. А не прислали бы случайно его, пришел бы другой, может быть такой же, но незнако-

мый, чужой, и сработал бы винтом в страшной машине. Верят многие такие, что творят справедливое дело: защищают народ от врагов его. Потом, может быть, поймут, что стали угнетателями, да поздно будет. Некоторые, как Рындин, отойдут в сторону, ставши инвалидами с трясущимися от нервности головами и руками, а некоторые втянутся в страшную работу, привыкнут, садистами станут и не будут уже думать, что борются за народ, станут бояться народа и ненавидеть его за свой страх».

ГЛАВА VII

Опять наступили каникулы. Бурин имел теперь много свободного времени. Правда, часть его уходила на уход за огородом, где он посадил картофель, помидоры, морковь и другие овощи, а две грядки занял табаком. В последнее время многих продуктов не хватало и Бурин радовался, думая что если будет урожай, он будет иметь собственные овощи и табак. Часто ходил на реку, ловил рыбу с лодки, которую брал у родителей одного из учеников. Вот и сейчас он на берегу реки, возле прогалины в камыше, где стоит старая лодка «душегубка». Подошел к ней, положил в нее удочки, ведро для пойманной рыбы, лопату вместо весла, наловил сеточкой, которую сам сплел, живчиков и пустил их в воду на носу лодки. Отомкнул замок висевший на ржавой цепи и освободил лодку. Гребя лопатой плыл по реке. Наслаждался окружающей тишиной. В гладкой желтоватой поверхности реки плыли белые облака, как будто снятые с неба, зеленые камыши у берегов отражались как в зеркале и казалось что они растут в двух направлениях — небу и к Бурину. Недалеко от деревянного, только для пешеходов, моста Бурин стал у камыша, подогнул пучок его и сел на него, чтобы не относило лодку. Надел на крючок живчика и забросил

удочку. И сразу же поплавок потонул. Подсек, вытащил окуня, снял его с крючка, бросил в ведро, взял живчика, надел за спинку на крючок, забросил удочку и опять сразу потонул поплавок. Опять окунь. Скоро ведро почти наполнилось рыбой.

Увлеченный ловлей Бурин не заметил, что солнце уже поднялось высоко. Почувствовал что изрядно припекает только тогда, когда поплавок не потонул сразу, а простоял долго, чуть покачиваясь. Клёв кончился, можно и домой, но Бурину хорошо, ему не хочется уходить с реки. Вынул из кармана часы, посмотрел, — скоро придет рабочий поезд. Решил сидеть до его прихода. Будут люди идти через мост, новости расскажут. Постепенно стало клонить ко сну. В полудремоте услышал гудок паровоза: рабочий поезд пришел.

Вот уже подходят приехавшие. Бурин собрал удочки и гребет к мосту.

— Война, Иван Иванович! — крикнул идущий впереди. — Война!

Бурин отчетливо услышал сказанное, но оно не вошло в его сознание: слишком было невероятно. А крикнувший уже прошел и спешил дальше.

Второй, тоже спеша, кричит:

— Война, Иван Иванович! Немцы напали!

Война, слово звучало в ушах Бурина, а мозг не хотел принять его, не мог освоить. Люди, спеша прошли по мосту, а Бурин всё не верил, что настало страшное, стало реальностью.

Наконец заспешил к берегу. Шел домой и все не мог поверить, что в окружающей его картине мирной станицы висит уже черной тучей, еще невидимой тучей, война.

У самодельной печки во дворе возилась мать.

— Ну как, рыболов, много рыбы?

— Рыбы хватит, только . . .

— Что «только»?

Бурину не хотелось зря тревожить мать: он всё еще надеялся, что — ошибка, нет никакой войны. Он ответил:

— Да вот только беда, что чистить ее тебе трудно, — и заспешил в комнату, к радиоприемнику.

Включил радио. В треске атмосферных разрядов голос диктора, взволнованый как показалось Бурину, объявил что сейчас будет говорить Молотов. Громкоговоритель еще потрещал и из него зазвучал испуганный заикающийся голос. Молотов говорил о предательском нападении. Теперь уже сомнений не было. Война.

Подошел к двери, крикнул:

— Мама, иди сюда, скорее!

Она вышла вытирая руки, улыбаясь посмотрела на сына, и, видя его взволнованное лицо, тоже заволновалась. Напряженно вслушалась, поняла и, теперь уже с тоской, сказала:

— Война! . . .

Молча слушали речь Молотова, испуганного и заикающегося, и испуг наркома стал радовать Бурина. «Ага, заикаешься, — злорадно думал он, — перепугался! Знаешь, что никто не станет твою власть защищать. А с перепугу молишь об этом».

Отзаикался Молотов. Мать поглядела на сына стараясь не показывать тревогу и невольно спросила:

— А что же теперь будет? . .

— Ничего, мама. Будет конец советской власти!

— А если тебя возьмут на войну?

— Тогда, как только смогу, перейду к немцам.

Мать грустно посмотрела на него, а он сказал:

— Ты за меня не бойся: все как я думают.

Мать ничего не ответила, грустно улыбнулась. Эта улыбка кольнула Бурина в сердце.

**
*

В станице внешне ничто не изменилось. Жизнь шла по-старому, но повисло напряжение, ожидание. Бурин уже не чувствовал страха перед войной. Она ему уже казалась избавлением от невыносимой действительности. Раньше он несколько раз слышал русские передачи из Праги. Слышал оттуда призывы к свержению сталинского ига и привык думать, что Запад хочет помочь русскому народу. Мир для Бурина делился на две части: советскую, где правят угнетатели и Запад, где царит свобода и находятся друзья.

**
*

Приказали сдать радиоприемники. Было жаль отдать собственноручно сделанный аппарат. Бурин вынул из него пару незаметных соединений и, решив, что теперь он уже не заговорит в чужих руках, понес в стансовет. «Ничего, — думал он дорогой, — отбирайте, показывайте как вы народ боитесь! Показывайте, что боитесь, чтобы до него не дошли слова правды!»

**
*

Получил повестку из военкомата. Не из Тихорецка, а из районной станицы. Матери сказал, что едет в военкомат, только в последний момент: не хотел чтобы она заранее волновалась. А когда уходил, мать посмотрела на него глазами в которых блестели слезы. Перекрестила.

В военкомате была суета. Бурину пришлось довольно долго ждать. Наконец его позвали к военкому.

— Вот, товарищ Бурин, — сказал тот, — пришло время защищать родину. Вас перевели к нам из тихорецкого военкомата, а бумаг не прислали, указали только, что вы средний командир. Где ваше личное дело?

— Я не знаю, — солгал Бурин. — Было в тихорецком военкомате.

— Подождите, я сейчас позвоню.

Через несколько минут военком вернулся и сказал:

— Ваше личное дело . . . — замялся, — я, пока не имею. Получим его, вызовем вас опять. А пока, езжайте домой.

ГЛАВА VIII

Громкоговоритель на площади гремел военными песнями с сводками с фронта, вызывающими недоумение: они начинались «Наши доблестные...» и кончались «отошли на...» Бурина радовало это «отошли»: он верил, что приближается освобождение, и все-таки не мог избавиться от чувства досады; испытывал двойственность: один Бурин радовался приближению немцев, другой восставал против чужеземцев. Думал он о том, что льется, все-таки льется, русская кровь, и винил, тех, которые кричат о защите родины, а недавно кричали, что пролетариат не имеет отечества. Перед войной, кричали, что если враг нападет, он будет бит на его территории, что победа будет достигнута малой кровью; кричали о «железном наркоме» Ворошилове, о «ворошиловских залпах». А что получилось? «Железного наркома» не видно и не слышно. Залпы его оказались, как и всё прочее, наглой пропагандой.

Бурин стоял возле громкоговорителя, смотрел на людей стоящих около него и слушающих с лицами, на которых ничего нельзя прочесть кроме любопытства, и думал: «И в сводках этих, наверное, вранье. Не зря же приёмники отобрали! Отобрали, значит боятся, чтобы народ правду не узнал. А хотят, чтобы народ за них

воевал; тот народ, которому не позволяют правду знать, должен биться за 'советскую' родину. Абсурд. Вот и вынуждены кончать сводки позорным 'отошли'. А интересно было бы, всё-таки, услышать иностранное радио». И Бурин решил сделать себе новый радиоприемник, такой, чтобы его можно было всегда быстро собрать и разобрать.

Вечером достал ящик с разными радиочастями и принялся собирать одноламповый приемник для слушания на наушники.

— Смотри, — сказала мать, — чтобы кто не заметил. Лучше брось эту затею. Узнают, могут . . .

— Не узнают! — перебил он. — Я себе такой сделаю, что в две минуты можно будет разобрать. Если кто постучится, пока ты у дверей повозишься его уже и не будет. А части иметь не запрещено.

Собрал, попробовал: действует. Заметил время, разобрал. На разборку ушло полторы минуты.

— Ну, — сказал матери, — теперь буду слушать, а ты, если кто придет, не открывай, пока я всё не спрячу.

Собрал опять аппарат, включил, надел наушники. Покрутил ручки. В наушниках похрустело, посвистало, послышалась музыка, иностранная речь, наконец, неожиданно ясно и громко, так громко что Бурину показалось, что могут на улице услышать, прозвучало: «Громадяне поминайте, що серп и молот — цэ смерть и голод!» Бурину стало холодно. В наушниках только хрустение. Потом вдруг голос, чисто по-русски: «Внимание! Внимание!» Последовала сводка с фронта. Бурину стало жарко, когда он услышал, что бои идут возле Киева. Опять треск в наушниках. Бурин снял их, а в ушах еще звучали слова: «Наши победоносные войска планомерно продолжают наступление».

— Мама! Немцы уже под Киевом.

— Не кричи! Не дай Бог услышат. Убирай лучше радио. Потом расскажешь.

— Понимаешь, — рассказав матери о слышанном, толковал Бурин, — понимаешь, — под Киевом. Скоро продвигаются.

— До нас еще далеко. Будь осторожен. Да, потом, кто их знает, какие они?

— Как какие? Наверно не такие, какими их расписывает наша пропаганда. Чем больше она их ругает, тем они должны быть лучше. Ведь не зря же говорят, что «ругань врага — лучшая похвала!» Да и не может быть народ породивший Шиллера и Гёте таким, каким его рисуют наши газеты.

**
*

Утром Бурина вызвали в стансовет и сообщили, что он, как командир запаса, назначен районными властями командиром батальона ополчения.

— Что это за батальон? — спросил Бурин начальника станичной милиции, сообщившего ему об этом.

— Его надо организовать из наших станичников. Я уже готовлю им повестки.

— А я что должен делать?

— Да вот, соберем их, вы перед ними выступите, как командир. А дальше, будем ждать. Мне, пока, ничего больше не сказали, кроме того, чтобы у тех ополченцев, которые охотники, оставить их дробовики, а не охотникам дать, если окажутся, сданные не попавшими в ополчение охотниками.

Собрались все бывшие в это время в станице военнообязанные. Никакого батальона из них сформировать было невозможно, во-первых потому, что их было ма-

ло, а во-вторых и дробовиков не хватало. Бурин сказал об этом начальнику милиции.

— Ничего. Приказано батальон, значит батальон.

Бурин разбил собравшихся на роты, взводы и отделения. Назначил командиров и . . . рядовых почти не осталось. Произнес речь по трафарету и распустил по домам.

***

За станицей, в степи поставили вышки с платформами наверху. На этих платформах поставили бойцов с биноклями. Это были посты ВНОС — Воздушное наблюдение, оповещение и связь. Постовые на вышках стояли день и ночь.

Время шло, советские сводки говорили о тяжелых оборонительных боях, о геройских делах, о сбитых немецких самолетах и с опозданием по крайней мере на две недели о сданных немцам городах. Бурин ежедневно слушал немецкое радио и изумлялся тому, с каким нахальством врут советские сводки. По станице поползли слухи о немцах, как освободителях.

Идя в кооператив Бурин увидел возле забора красноармейца, но не обратил на него внимания и хотел уже пройти мимо, но тот сказал:

— Здравствуйте, Иван Иванович! Не узнаете?

Бурин вгляделся, узнал. Это был его бывший ученик Калошин, которого мобилизовали в самом начале войны.

— Здравствуй Калошин! — сказал он. — У, каким героем ты выглядишь! Совсем не узнать тебя в форме.

— Да уж и героем? — ответил тот. — Геройствовать-то не пришлось. Все время отходили. Вы, Иван Иванович, никуда не спешите?

— Никуда. Расскажи, как жил.

— Жил ничего . . . В боях не был. А вот, — он заговорил тихо, — кто был чудеса рассказывают.

— Что за чудеса?

Калошин посмотрел на Бурина, потом по сторонам и тихо сказал:

— Вот, Иван Иванович, вам можно рассказать. Немцы-то что делают! . .

— Расстреливают да вешают? — перебил Бурин, желая посмотреть, как будет реагировать Калошин на эти, как он думал, газетные выдумки.

— Да нет! Совсем не то. Слушайте! Один наш боец к немцам в плен попал, потом вернулся оттуда и рассказал. Послали, значит, его в разведку. Отбился он от своих, заблудился. Стал на полянке в лесу и думает, что ему дальше делать а тут, вдруг, по-немецки «Руки вверх!» Поднял он руки и думает, что конец ему пришел. А немцы взяли его винтовку и ему дорогу указывают, что-то говорят. Не понимает он, тогда один показывает: опусти руки. Привели его к себе, к офицеру. Тот и говорит: «Здравствуй, солдат! Мы не против тебя воюем, а за свободную Европу», — приказал что-то. Повели его в столовую немецкую, накормили. Переводчик пришел, сказал, чтобы подождал до вечера. Вечером в кино привели, картину показали, про жизнь нашу, а потом, — Калошин перешел на шепот, — говорят: «Вот ты видел нас, знаешь правду и можешь решить, что делать. Хочешь, оставайся у нас, работу дадим, а не хочешь, иди к своим».

Калошин значительно помолчал и добавил:

— Вот дела-то какие!

Бурин сделал вид, что не придал значения рассказу и перевел разговор на другую тему. Поговорили еще немного и Бурин попрощался с Калошиным.

Идя думал, что культурный народ так и должен поступать, как рассказывал Калошин. Калошин, конечно, мог и выдумать, принять желаемое за правду. А всё-таки, показательно, что он, мальчишкой потерявший отца, погибшего в рядах Красной армии, воспитанный в колхозе идеализирует немцев, ждет от них освобождения. Но нет дыма без огня. Что-то из расказанного правда. Не могут же немцы думать, что наши отступают потому, что трусы. Значит, не могут в простых людях врагов видеть. Значит, действительно идут, чтобы освободить их. А народ ждет не дождется освобождения. И верит в немцев. Не даром же слухи, что немцы вместо бомб бросают банки с консервами и шоколад.

***

В школе готовились к празднованию Октября. Убирали зал, где должно было проходить собрание. Бурин и завуч развешивали портреты вождей. Завуч, кряхтя, влез на лестницу-стремянку, вбил гвоздь в стену. Бурин подал ему портрет и вдруг услышал:

— Вот теперь мы их, кажется, на самом деле повесим!

Бурин поразился этими смелыми словами, но в уме мелькнуло: «Провокация? или уверен во мне?» Сделал вид, будто ничего не слыхал. А завуч довольно улыбнулся. Видимо он не ожидал другой реакции, и одобряет ее. «Он тоже ждет подходящий момент, — подумал Бурин. — Много нужно ненависти, чтобы осторожный человек рискнул сказать такое!»

***

Идя домой Бурин услышал долетевшие до него от громкоговорителя на площади отрывки сводки Инфор-

бюро. Услышал: «наши доблестные части... под Полтавой...» и подумал: «Всё врут. Немцы под Ростовом, к Дону подошли, а они... под Полтавой!»

Пообедал и вышел во двор. По небу двигались тяжелые рваные тучи и взглянув на них Бурин подумал: «То не тучи, — грозовые облака... И тучи, и немцы с запада. Идут и тучи и немцы грозно, да не для всех».

Вдруг в небе забухало. Бурин увидел появляющиеся ниже туч серые облачка. «Зенитки! —решил он. — Налет!» и принялся вглядываться в то место под тучами, где повисли круглые облачка. Среди них плавно и, как показалось Бурину, угрожающе спокойно плыли два, невиданные еще им, самолета. Пошли на снижение. «Как идут, — подумал Бурин, — будто по ним и не стреляют! Дошли, наконец!» Облачка разрывов в небе исчезли. Самолеты уже над Тихорецком. «Вот и зенитчики не стреляют, — констатирует Бурин. — И они не хотят воевать с немцами. А, может быть, немцы потому так спокойно и летят, что знают это?!»

До Тихорецка семь километров. Бурину самолеты хорошо видны и наблюдает он как зритель в театре. Вот самолеты развернулись и вдруг под ними поднялись с земли столбы черного дыма. Поднялись, стали расплываться покрывая город. «Сбросили бомбы! — подумал он с чувством будто видит всё в кино и... заныло сердце когда понял, что не в кино это, что бомбы упали на своих людей, что под этим черным дымом сейчас разбитые дома, а в них, под развалинами, окровавленные люди. Гу-ух! Гу-ух! услышал звуки разрывов. Стало страшно и... закипела ненависть к тем, кто довел до того что *нужно народу* пускать немцев вглубь страны. И было в этот момент два Бурина; один тревожился, мучился за своих людей и свой город под бомбежкой, чуть не плакал от жалости к ним, другой — хо-

лодно рассчитывал и радовался, как радуются зная, что лежащий под ножом хирурга близкий, хотя сейчас из него течет кровь, после операции будет здоров.

А бомбардировщики описывали дугу над черным дымом. Из серой тучи над ними вынырнул маленький самолетик. «Почему один? — подумал Бурин. — Когда делали пробные тревоги вылетали дюжины, а сейчас . . . один?» А истребитель заходит в хвост бомбардировщику. «Сейчас даст очередь, собьет. Сейчас, сейчас! Молодец!» и увидел: справа идет на ястребка второй бомбардировщик, скрытый до этого серой тучей. И почти одновременно ястребок задымил, зашатался и . . . оставляя за собой полосу черного дыма, стал падать. «Сбил, чёртов немец!» — подумал один Бурин, а другой добавил: «Другого и нельзя было ожидать: не ждать же немцу, пока 'сталинский сокол' собьет его». Бомбардировщики развернулись над черной тучей дыма, опять донеслись ухающие взрывы, еще черней стала туча над городом. Потом — пошли вверх и скрылись в серых тучах.

На другой день Бурин поехал в Тихорецк. Ехал и думал, что увидит одни развалины. Приехал, вышел из вокзала, — ничего особенного, всё по-старому. Пошел дальше.

— Эй, Ванюшка! — окликнул кто-то.

Оглянулся. У калитки стоит знакомый, охотник Мазнев.

— Здравствуй, Мазнев! Как дела?

— Э-э . . . дела. Страху вчера набрались, Подилкина убило . . .

Подилкина, тоже охотника, Бурин хорошо знал и совсем недавно был с ним на охоте. Ему показалось чем-то нелепым это «убило» и он недоуменно сказал:

— Как так «убило»?

— Да вчера. Как тревогу дали мы как раз из проходной выходили. А самолеты идут на нас. Мы, это, ничего, а потом, всё-таки, засуетились: кто куда. Некоторые в бункер побежали, другие где могли стали прятаться, я в проходной остался, всех мне видно было. Смотрю, Подилкин за углом первого дома спрятался. В это время Полевой идет через проходную. Я ему: «Куда? Спрячься!» а он посмотрел, да дальше идет. Только он на площадку вышел, тут и ухнуло. Так воздухом меня из проходной чуть не выдуло. Смотрю, а Полевой идет совсем голый, только ремешок с клочками штанов остался. Идет, как пьяный. Шагнул и стал. Стоит, глаза выпучил, на пузе пояс с клочками а на теле ни царапинки.

— Ну?!

— Да-а . . . Тогда даже смешно стало, на него глядя. Да прошел смех, как увидел, что под стеной Подилкин, лицом вверх, руки раскинул, а ноги как сломанные подогнул . . . Осколком убило.

— Жаль Подилкина. Хороший парень . . .

— Да, не знает человек своей судьбы. Вот он спрятался — убило. Полевой не прятался — только одежу оборвало, а вот в бункере . . . — он замолчал, охваченный воспоминанием.

— Что в бункере?

— Что? А, в бункере, — вернулся к действительности Мазнев. — Там только восемь человек успели спрятаться. Так бомба прямо во вход угодила. Всех побила, — он замолчал, потом добавил: — Правда, бункер-то был — одно название. Канаву вырыли, да шпалами покрыли.

— А еще где бомбили?

— Да по «Красному молоту» парой бомб ударили, по военкомату . . . да никакой беды не сделали, а вот

по кварталу НКВД — без промаху, — в голосе его Бурину почувствовалось удовлетворение, даже восторг. — Весь квартал разбили. Голову начальника на другой стороне улицы нашли.

Он взглянул на Бурина и тот увидел во взгляде его опасение, что слишком откровенно радостно сказал об этой улетевшей через улицу, голове. Добавил:

— Лучших людей побили!

И показалось Бурину, что сказал он это очень двусмысленно.

Попрощался с Мазневым, пошел к кварталу НКВД, посмотреть как он выглядит после налета. Квартал этот был соседний с домом, где Бурин жил мальчишкой. Только угловой дом этого квартала, находящийся напротив дома где Бурин жил еще Иванчиком, не был занят под кватиру чекистов. И Бурин, прежде всего, увидел этот дом. Вернее, фундамент его. Ни стен, ни крыши не осталось, только груда кирпичей с торчащими из нее обугленными досками и бревнами. Бурин заволновался, подумал что тут жили хорошие добрые люди. В нем поднялась злоба против немцев и почти тотчас же исчезла, когда он увидел руины домов, в которых жили работники НКВД и самого его здания. Появилось сожаление о людях, которые были в подвале за деревянными козырьками. Но успокоился, увидя, что подвал не разбит. Подумал, что немцы точно знали куда бросать бомбы.

Решил пойти к приятелю Петьке. Пришел и застал Петьку одного. Разговор сразу зашел о бомбежке и, к изумлению Бурина, Петька, всегда обходящий вопросы связанные с политикой, сейчас не сдержался и с восторгом сказал:

— А как по кварталу НКВД хватили! Все к чёрту

полетели, не от всех и части нашли, — вдруг потускнел. — Жаль только, что в дом Сидорова попали . . .

— Да. Я видел. Один фундамент остался.

— Самого его дома не было, а жену и дочку убило.

— Немцы вряд ли знали, что этот один дом не под квартирами сотрудников. Да и то, удивительно хорошо осведомлены они. Будто им кто карту начертил.

— А может быть и начертил, — сказал Петька.

Идя на вокзал Бурин подумал, что наверно и бумаги его, вместе с НКВД, разбомбили.

***

Посыльный принес Бурину повестку. Вызывали в стансовет, с оружием. Надел патронташ, взял дробовик и пошел.

— Вот, Иван Иванович, — встретил его начальник милиции, — пришло время и нам послужить родине.

— Что ж, послужим. А что случилось?

— От поста ВНОС получено донесение, что в степи приземлились немецкие парашютисты. Нужно их, гадов, выловить.

— Конечно нужно, — а сам подумал: — «Гадов надо выловить, только каких?»

— Я вас ждал, а сейчас пошлю верховых ополченцев созывать.

Начали подходить ополченцы с дробовиками на ремнях. Набралось всего человек двадцать. Едва успел Бурин разделить их на отделения и назначить старших, как к стансовету подкатили две грузовые машины с сотрудниками районного НКВД.

Встретил их начальник милиции, отрапортовал своему начальству и указывая на Бурина сказал:

— Вот, товарищ Ильин, наш командир ополчения, товарищ Бурин.

— Хорошо, — ответил Ильин и повернувшись к Бурину командирским тоном сказал: — Вы, товарищ, проведете операцию. Нужно прочесать местность, где приземлились парашютисты, взять их в плен, а если окажут сопротивление, уничтожить!

«Да, уничтожить. Чем? — подумал Бурин. — С дробовиками против модерного оружия?! А эти вот, — он посмотрел на пулеметы, выглядывающие из грузовиков, — будут нас подгонять».

Заметив взгляд Бурина, Ильин добавил:

— Если нужно будет, мы вас поддержим. Ясно?

— Ясно.

— Так выполняйте! — и заметив что Бурин собирается идти, добавил: — Потом мне доложите.

«Ну тебя к чёрту! — подумал Бурин. — Командует, чёртов энкеведист».

Бурин вышел к ополченцам, спросил заряжены ли ружья и, получив утвердительный ответ, сказал:

— Вот товарищи, есть сведения, что за станицей приземлились немецкие парашютисты. Мы должны их найти, взять в плен или уничтожить. Понятно?

— Да мы их . . . как зайцев, дробью по шкуре! — ответил с самым серьезным видом коммунист колхозник Бычко.

А Бурину показалось, что в глазах того насмешка.

Вышли за станицу, растянулись цепочкой и пошли.

Сначал шли по стырне со скучающими лицами и Бурин подумал, что иначе и быть не может — в низкой стырне может только заяц спрятаться. Дошли до бурьяна. Так же скучая вошли в него и тут весельчак Бычко принялся с таким серьезным и свирепым видом

раздвигать кусты бурьяна, искать под ними, что стало смешно.

«Вот, — подумал Бурин, — Бычко коммунист, а явно дурака валяет, актерствует. И никто его не останавливает. Значит всем, даже простым коммунистам, осточертело вечное угнетение».

— А черты бы усё взяли! — сказал вдруг Бычко. — И зайцев нема!

Дошли до указанной границы, никого не нашли и повернули назад, всё так же —цепочкой.

ГЛАВА IX

Бурин получил повестку из военкомата, явиться для отправки в армию. До явки оставалось четыре дня и он решил пока не говорить матери: пусть проживет эти дни спокойно. Вечером принялся резать доморощеннный красно-коричневый табак.

— Хорошо, что ты посадил табак, — сказала мать. — Может быть и до нового хватит.

— Теперь уже хватит... — начал Бурин и замолчал, испугавшись что проговорился и мать заметит.

Ожидал вопроса, но она ничего не спросила. Стала говорить о самых обыкновенных вещах.

Накануне отъезда Бурин решил, что пора сказать матери.

— Мама, меня вызывают в военкомат.

К его удивлению она только спросила:

— Когда?

— Завтра утром.

— Так скоро. Я думала, что не так скоро.

— Почему думала? Разве ты знала?

— Конечно знала. Ты, когда табак резал, сказал: «Теперь уже хватит».

Вспомнил Бурин, как владела собой она тогда, при этих словах, вспомнил и изумился материнскому само-

отвержению. Поняла она тогда, спрятала тревогу свою, не хотела удручать его.

Утром, готовя ему завтрак, мать улыбалась, будто ничего особенного не предстоит. Потом хлопотала, спрашивала, не забыл ли он чего. Он тоже улыбался, чувствуя что что-то сжимает ему сердце, понимал, что в душе матери страх за него, ужас расставания с единственым сыном. Он сказал:

— Помни, мама! Я, во всяком случае, перейду к немцам. Если даже тебе сообщать, что я убит, не верь. А когда немцы придут сюда уезжай за границу . . . — и заметил, что в своих последних словах показал неуверенность в окончательной гибели советской власти.

Мать грустно улыбнулась, сказала:

— Хорошо, не буду верить.

Настали последние минуты. Бурин одел пальто, мать принялась заботливо расправлять складки, снимать пылинки, словно надеялась этим удержать его возле себя еще несколько секунд. Наконец, застегнула самую верхнюю пуговицу и сказала:

— Смотри, не простудись.

Он посмотрел в ее полные тоски глаза и подумал: «Как смешны и трагичны эти слова, как *страшно* трагичны, и сколько в них беззаветной любви!»

Помолчал немного, сказал:

— Нужно идти. До свиданья, мама!

Она растерянно взглянула на него, стремительно обняла, поцеловала, несколько секунд держала в объятиях, словно надеясь удержать, опять поцеловала и, почти оттолкнув, сказала неожиданно спокойно:

— До свиданья! Бог храни тебя!

Бурин не оглядываясь пошел прочь. Его душили слезы. Чувствовал, что уходит навсегда. Хотелось остановиться, подбежать к матери . . . Знал, что ее тоскую-

щие глаза следят за ним и, чтобы поскорей кончилась тяжесть расставания, быстро зашагал.

Недалеко от дома увидел группу пожилых станичников, и среди них бывшего учителя, теперь пенсионера, Рыжуха.

Подошел, поздоровался. Рыжух сказал:

— Вот, Иван Иванович, узнали мы что вы уезжаете, пришли проводить. Бог знает, когда и как увидимся!

— Ничего, — бодрясь ответил Бурин. — Увидимся! Война скоро кончится.

— Будем надеяться.

Идя к поезду говорили о всякой всячине и Бурин несколько развлёкся. Дошли и стали ждать возле будки железнодорожного обходчика, у которой останавливался рабочий поезд. Все молчали то и дело поглядывая туда, где он должен был показаться. Шли, всегда томительные минуты ожидания. Наконец, вдали, дымок и скоро, пыхтя и постукивая, подошел поезд. Бурин быстро попрощался, подошел к вагону, взялся за поручень, стал на первую ступеньку, увидел подходящего к нему Рыжуха, подумал, что тот хочет еще раз попрощаться, а тот, подойдя совсем близко, сказал:

— Увидишь немцев, кричи «Хайль Гитлер!»

Бурин от неожиданности растерялся, но поезд дернулся, пошел. Станичники замахали руками, он тоже махнул несколько раз, а глаза искали на широкой улице станицы свою квартиру. Увидел: дом маленький, будто игрушечный. Возле никого не видно. Бурин вошел в вагон. Колеса выстукивали мерно и четко и ему показалось, что они говорят: «Ох, как труд-но! Ох, как труд-но!»

В военкомате сдал повестку. Подождал немного. Дежурный сказал, что военком его ждет. Вошел в кабинет, увидел военкома за столом. Отрапортовал.

— Садитесь, товарищ командир, — сказал военком. — Сейчас я дам вам формуляры и вы заполните на себя личное дело. Вы же помните, что нужно?

— Помню, товарищ военком, — ответил Бурин и подумал: «Значит и вправду мои бумаги разбомбили вместе с НКВД».

Через несколько минут военком передал Бурину розовую папку с чистыми формулярами, сказал:

— Заполняйте!

Заполнил, прочел написанное и передал военкому.

Тот быстро перелистал, закрыл папку и сказал:

— Хорошо, теперь одна формальность осталась. Идите в амбулаторию, там пройдете медкомиссию.

В амбулатории Бурина сразу принял врач, спросил как он себя чувствует, не болен ли чем и, получив ответ, что не болен, приказал выписать справку о годности.

Когда сдал справку в военкомате к нему вышел военком и сказал:

— Ну, теперь всё в порядке. Поздравляю с великой честью идти защищать родину!

***

Приехав в учебный лагерь под станицей Прохладной Бурин получил назначение в первый полк.

В штабе полка Бурину выдали серую книжечку, — командирское удостоверение, сказали чтобы он сначала получил на складе обмундирование, а потом шел в третий батальон.

Выйдя из штаба Бурин открыл удостоверение и прочел: «Средний командир без звания». Подумал: «Вот, посылают родину защищать, поздравляют с великой честью, а как я сейчас буду рапортовать в батальоне?

'Явился средний командир без звания'? На меня там глаза вытаращат: давно уже все звания имеют. А будь вы прокляты! Доложу: 'Явился командир взвода'».

В складе получил обмундирование, переоделся, свернул в пакет свое гражданское одеяние и сдал его. Получил пригоршню зеленых «кубиков» и не зная сколько следует надеть на петлицы, он же «без звания», высыпал их все в карман шинели.

Придя в расположение батальона Бурин спросил, где ему найти комбата и пошел к указанной землянке. Вошел в нее и увидя пожилого старшего лейтенанта начал:

— Командир взвода . . .

— Какой там командир взвода? — перебил комбат, — Лейтенант. Понятно?

— Лейтенант, — опять начал Бурин и опять перебил комбат.

— Да ладно! Чувствуй себя у меня как дома. Я вот тебе пятую роту дам. Не рота, — ягодка! — и он рассмеялся.

— Что за «ягодка»?

— Ялдаши, — презрительно сказал комбат. — Пять месяцев уже, черти, в лагере, а до сих пор в ногу ходить не научились. Да вот примешь их, — увидишь.

Бурин хотел спросить, что такое ялдаши, но комбат сказал:

— Сейчас я вызову твоего старшину, он тебе роту покажет.

Когда старшина пришел Бурин заметил, что он не говорит, а хрипит. Пошли в роту. Она оказалась размещенной в длинных землянках человек на сорок каждая. Сейчас в них никого не было. Бурин спросил, где люди.

— На занятиях все, — прохрипел старшина.

— Вы, что простудились?

— Нет, голос сорвал.

— Почему?

— Кричать много приходится, народ бестолковый.

Осматривая землянки Бурин увидел, что на длинных, во всю длину землянки с обеих сторон ее, нарах из плетня только какая-то соломообразная труха.

— А где постели?

— Беспостельный режим, — лаконично ответил старшина.

Бурин вспомнил, что где-то читал об этом режиме, введенном по приказу маршала Тимошенко, как о мероприятии для закалки бойцов, но вид нар из плетней с трухой на них подействовал на него угнетающе. Подумал, что хороший хозяин скотину лучше содержит.

— Разрешите показать вашу землянку, — отвлек его от созерцания трухи на нарах старшина.

Идя со старшиной Бурин думал, что отвратительно если в его землянке тоже беспостельный режим. Старшина спустился к двери, открыл ее и пропустил Бурина вперед. Войдя Бурин почувствовал теплоту. В землянке жарко горела железная печка, стояла кровать с матрацем покрытым теплым одеялом. Даже столик и стул стояли под выходящим на поверхность земли окном. Бурин не хотел идти разыскивать роту, решил ждать до обеда, когда все соберутся. Лег на постель и задремал. Из дремоты его вывел шум: крик, топот. Вышел из землянки, увидел несуразно не по росту одетых людей, которые вразброд топтались на месте. В глаза бросились неряшливо накрученные обмотки на топчущихся ногах. Рядом с топчущимися стояли нормально одетые сержанты и что-то хрипели. Бурин с удивлением смотрел. Наконец топтание прекратилось. Люди бросились в землянки.

— Старшина! — крикнул Бурин и когда тот подошел, спросил: — А где комвзводы?

— Нет их. Сержанты командуют.

Из землянок вылазили люди с котелками в руках, сбивались в кучи.

— Хорошо. Пришлите сержантов ко мне, а сами ведите роту на обед.

— Товарищ лейтенант, — вытянулся старшина, — никак невозможно.

— Что невозможно?

— Без сержантов на обед. Разрешите сержантам со мной идти.

Бурин подумал, что в этой роте, видимо, все особенное и сказал:

— Ладно. Ведите с сержантами.

Захрипел старшина, забегали и тоже захрипели сержанты, люди с котелками зашевелились и беспорядочно затоптали к столовой.

Бурин тоже пошел на обед. В комсоставской столовой было чисто и тепло. Подавали пищу женщины. Тарелок, правда, не было, их заменяли алюминиевые миски, ложек и вилок тоже не было. Все имели свои.

Ожидая пока подадут обед Бурин отщипывал от полученного им на весь день куска черного хлеба в восемьсот грам кусочки, смазывал их горчицей, ел и разглядывал ложки соседей. По ложкам можно было почти без ошибки определить, кто уже был на фронте, а кто — нет. Фронтовики ели алюминиевыми немецкими складными, — ложка и вилка; остальные имели самые разнообразные и большинство было «вооружено» огромными, в форме полушария, деревянными некрашенными ложками, выдаваемыми бойцам.

Занятия в роте, после обеда, привели Бурина в сосовершенное недоумение: глядя на ничего не понимаю-

щих и все исполняющих неправильно бойцов можно было подумать, что в роте собраны кретины. После занятий Бурин собрал к себе сержантов.

— Почему в роте такой беспорядок? — обратился он к показавшемуся ему наиболее солидным сержанту.

— Ялдаши, товарищ лейтенант. С ними никакого сладу нет, — прохрипел тот.

— Почему нет никакого сладу?

— Да, товарищ лейтенан, они дурачками прикидываются. Русского языка, мол, не понимают, а значит и учиться не могут. От крика на них все голоса сорвали. Без крика и совсем не слушают.

— А почему вы бойцов называете ялдашами?

— Да, товарищ лейтенант, ялдаш по-ихнему товарищ.

Отпустив сержантов Бурин задумался над виденным и слышанным сегодня. Он не мог поверить, что ялдаши так глупы, как они себя показывают. Значит прав сержант, говоря что они прикидываются. А почему прикидываются? Не хотят идти на фронт, не хотят защищать социалистическую родину. Да, видимо, никто не хочет ее защищать.

Утром поднялся пораньше, чтобы присутствовать при подъёме. Оделся возле жарко горящей печки, закурил. Где-то заиграл горнист сигнал, по которому, как привык Бурин видеть, бойцы выскакивают из постелей, быстро-быстро одеваются, становятся в строй. Бурин заторопился к выходу. У землянок никого не видно; подошел к ближайшей, открыл дверь, на него пахнуло вонью, в уши влетела хриплая матерщина. Бурин вгляделся в полутемноту землянки. На нарах еще сидели и лежали люди, а в проходе между нарами метались сержанты, смешивая командные выкрики «подымайсь!» со злобной матерщиной. Вот один на нарах,

возле которого надрывается сержант, начинает подниматься, сержант кидается к другому, а первый опять садится. Обернулся сержант, увидел что он опять сидит, кинулся к нему, схватил за шиворот, стянул с нар и, злобно выругавшись, так ударил по шее, что тот спотыкаясь посунулся к выходу. Другие сержанты тоже тянули ялдашей к выходу, помогая кулаками и коленями. «Да ведь за это ревтрибунал!» — подумал Бурин и поторопился выскочить из землянки.

Вытолканные из землянок стояли кучами, пожимаясь от утреннего холода.

— Старшина! — крикнул Бурин.

— Есть, товарищ лейтенант, — подбегая прохрепел тот.

— Почему люди стоят? Ведите на зарядку!

— Есть, товарищ лейтенант. Вести на зарядку, — будто недоумевая ответил старшина.

— Ро-таа, становись! — прохрипел он.

Толпа зашевелилась, но ничего похожего на строй не получилось.

— Вот, товарищ лейтенант, смотрите. Знают, проклятые, что до завтрака еще время есть и не становятся, а как на завтрак пора, — сейчас же все станут.

Соседняя рота вернулась с зарядки и стала строиться на завтрак. Ялдаши вдруг засуетились, кинулись к землянкам и через минуту, без всякой команды, стояли, с котелками в руках, в строю.

Старшина скомандовал и рота не в ногу затоптала к кухне. Бурин пошел в комсоставскую столовую.

После завтрака присутствовал на занятиях своей роты, если можно так назвать топтание по плацу с палками вместо винтовок. Понаблюдав за этим топтанием и решив что тут ему делать нечего, Бурин пошел к

комбату. Не успел войти и поздороваться, как тот спросил:

— Ну что, лейтенант, хороша пятая рота?

— Не рота, а что-то особенное. Ничего подобного я еще не видел.

— Азербайджанцы дурачками прикидываются. И ничего не сделаешь: то по-русски не понимают, то больными объявляются. Тогда вдруг заговорят. Подойдет стервец и бормочет: «Балной, савсем балной, семь раз балной, курсак балит». И к доктору посылать нет смысла. Как докажешь, что у него курсак вовсе и не болит, — и заметив недоумевающий взгляд Бурина объяснил: — Курсак, по-ихнему, живот.

***

Утром, после подъема, в роте не оказалось старшины. Отправив роту на занятия с сержантами, Бурин пошел в штаб батальона и доложил комбату, что старшина исчез, добавив, что тот у него не отпрашивался и, следовательно, находится в самовольной отлучке.

— Садись, лейтенант, и слушай. Тут дело похуже. Тут не самовольная отлучка. Он вчера на подводе поехал в станицу, там у него зазноба. А его на воротах задержал часовой. В подводе нашли пару кусков мыла и простыню. Знаешь чем это пахнет? . .

Бурин знал, что недавно издан закон, по которому за расхищение военного имущества полагается расстрел. Но два куска мыла и простыня? . . И он ответил:

— Чем же это может пахнуть? Мелочь это.

Комбат быстро взглянул на него и сказал:

— Для нас, — да. А для *них* . . . — осёкся и продолжил: — Два или двести кусков, — это всё-равно. Хищение есть хищение. А за него расстрел.

— Не может быть, чтобы...

— Всё может быть! Ты назначь старшиной одного из сержантов, — и помолчав, добавил: — От нас ничего не зависит. Не мы его задержали, не мы и судить будем. Так что, назначь нового старшину.

***

Через два дня сообщили, что вечером состоится показательный суд в клубе полка, куда следует явиться командному составу.

Сидя в первом ряду, рядом с другими средними командирами своего батальона, Бурин смотрел на сцену, где за столом покрытым красной материей разместился военный суд. Бурину казалось невероятным, что эти обычные люди в военной форме, на этой обычной сцене могут вынести страшный приговор. На сцену, под конвоем, ввели старшину.

Начался суд. Слушая речь прокура, метавшего громы и молнии на голову «расхитителя», «врага народа», с пафосом говорящего о «бдительности» и «священной ненависти» советских людей к «врагу-расхитителю», Бурин всё яснее и яснее понимал, что видит не спектакль, как ему казалось вначале, а работающую страшную мясорубку, от которой нет спасения попавшим в нее. Нет и не может быть тут никакой ненависти народных масс к одиночкам расхитителям, а есть только страх правительства перед народом ненавидящим его. И не защищает правительство народ издавая жесточайшие законы и указы, а хочет устрашить его и, одновременно, обмануть легковерных криком о «врагах» якобы повинных в бедствиях народных.

— Я требую применения к подсудимому высшей меры наказания, — расстрела, — кончил прокурор.

После очень короткой речи защитника, явно не защищающего, а отбывающего формальность, слово было предоставлено обвиняемому.

— Я признаю свою вину перед родиной, — как заученный урок сказал тот, — и прошу суд дать мне возможность искупить ее на передовой позиции.

Бурин хотел верить, что просьбу старшины исполнят. Невозможно ведь расстрелять человека за два куска мыла! Когда стали читать приговор и он услышал: «...приговаривается к высшей мере социальной защиты, расстрелу», испуганно взглянул на старшину. Тот стоял с безучастным выражением лица, будто приговор его не касается. Бурин посмотрел вокруг, словно ища помощь, и увидел испуганных и старающихся не показать этого людей.

ГЛАВА X

— Товарищ лейтенант, к командиру батальона! — отчеканил связной.

Отпустив его Бурин пошел.

— Здравствуй, лейтенант! Садись! — не дожидаясь рапорта сказал комбат. — Твоя рота теперь маршевая. На фронт с ней поедешь.

— Как так маршевая?! Да с ней не то что на фронт, а и на базар...

— Не робей! — перебил комбат. — Не ты первый с пятой ротой на фронт едешь. Оно только название, а люди другие будут. Принимай новых, они из команды выздоравливающих, все фронтовики. А к ялдашам я уж другого командира получу. Будут они опять тут топтаться, чёрт бы их взял! Иди в штаб полка, там всё нужное тебе скажут.

— Ну, значит, можно попрощаться?

— Не спеши! Еще несколько дней с маршевой ротой здесь пробудешь. Успеем попрощаться.

В штабе полка Бурину выдали список людей и сказали, что о дне отправки сообщат потом, а пока нужно заниматься с людьми, главным образом тактикой.

Бурин слушал и думал: «Вот как торопятся! Звание не успели присвоить, а уже на фронт» — и сказал:

— Как же я буду с бойцами на фронте, не имея звания?

— Звание присвоят. А вы же средний командир, сумеете с бойцами управиться.

— Что ж что средний командир? А без звания я не знаю, кто я. Раньше один кубик носил, а теперь младшие лейтенанты один носят. Их до войны и не было.

— Вам два надо носить.

— Пока не получу звания не могу ничего на петлицах носить. А как меня можно будет от рядового бойца отличить?

После короткого раздумья решение было найдено.

— Мы вам полное комсоставское обмундирование выдадим, а аттестаты на лейтенанта выпишем, вот и будет всё в порядке.

В новенькой форме, с ремнями, полевой сумкой и пустой кобурой Бурин пришел к своим новым бойцам. Увидел людей с худыми лицами в потрепанных и порыжевших шинелях и подумал, что они еще толком не оправились после ранений и бессмысленно их, уже побывавших под пулями, заставлять маршировать и выполнять всякие учебные задания. Сказал:

— Вот, ребята, я думаю что вам нечего учиться перебежки делать: все вы под пулями были. Делайте, что каждый хочет, только не расходитесь. Да смотрите в оба, чтобы начальство незаметно не нагрянуло.

— Есть, товарищ лейтенант! Будем смотреть, — ответил молодой сержант.

Был апрель месяц, но погода стояла прохладная, а сейчас начал накрапывать дождь. До землянок было шагов пятьдесят, Бурин решил, что не стоит зря мокнуть и, сказав сержанту чтобы при приближении начальства его вызвали, ушел в свою землянку. Там сидел не раздеваясь. Сначала подумал о том, что его бой-

цы не вменят ему в вину, что он спрятался от дождя, а их оставил мокнуть, так как они прекрасно знают, что он обязан держать их на «занятиях». Потом мысль перешла к недавнему суду над старшиной. «Какая холодная и ужасная машина государство вообще, а советское государство страшней других. Там террористов Сако и Ванцети приговорили к смерти, так у нас крику было больше чем надо. А тут за два куска мыла расстрел и никто не кричит, никто не возмущается. Всех так напугала советская мясорубка, что и думать о возражении не смеют. Нет, думать всё-таки смеют. Только боятся показать, что думают. Вот эти ялдаши азербайджанцы. Они внутренне возражают. Они гораздо умнее, чем кажутся. Дураками только прикидываются. Нашим этого делать нельзя. Нашим нельзя оправдываться незнанием языка. Наши, как и я, вынуждены, до поры до времени выглядеть «преданными». А в душе редко кто не ненавидит советскую мясорубку. Даже судьи приговорившие старшину к смерти, если бы им самим не грозила мясорубка, наверное посмеялись бы только над неудачником старшиной и отпустли бы его, после пары дней гаутвахты, назад в роту. И чем искуснее скрывают люди свои чувства, тем тяжелее им. Если наступит время, когда окажется возможность реальной борьбы с режимом, а это время, кажется, уже наступило, преступником против родины будет тот, кто не повернет оружие против угнетателей, кто не будет бороться за ее освобождение». В дверь постучали. Это вернуло его к действительности.

— Войдите, — сказал он.

— Товарищ лейтенант, — торопливо сказал, приоткрыв дверь, сержант, — командир полка идет.

Бурин выскочил из землянки, услышал громкие команды сержантов, увидел старательно выполняю-

щих эти команды бойцов и, наконец, — группу начальников. Направился к ней. Не дойдя несколько шагов перешел на парадный шаг, приложил руку к головному убору и начал:

— Товарищ командир полка . . .

— Не «командир полка», а майор, — перебил тот.

— Товарищ майор, маршевая рота проводит занятия по тактической подготовке.

— По тактической? . . А вы что, в землянке тактикой занимаетесь? Дождь идет, а шинель сухая! — насмешливо, почти добродушно сказал он и вдруг надулся, покраснел и закричал: — Да я вас . . . под суд . . . я вас . . . — и совершенно неожиданно закончил: — Продолжайте занятия.

Едва майор со своим сопровождением скрылся, занятия в роте прекратились, бойцы опять разбрелись по лужайке, попрятались, кто как мог, от дождя. К Бурину подошел лейтенант из соседней роты.

— Что, разбомбил? — сказал он и не дожидаясь ответа, добавил: — Он всегда так: начнет бомбить, можно подумать, что конец пришел, а потом уйдёт и ничего не случится. Ты что думаешь сейчас делать?

— Да я и сам не знаю. Вот приказано тактикой заниматься, а зачем людей мучить? С фронта все, едва от ранений выздоровели.

— Конечно! Да ты плюнь на тактику. Я вот слышал, что сегодня в столовой будут шницели, надо туда пораньше, а то расхватают и придется кашу жрать. Пойдем!

— А если майор опять нагрянет? . .

— Не нагрянет! Выполнит службу, обойдет полк и тоже в столовой окажется. Да ты смотри, уже и роты на обед собираются.

К изумлению Бурина в столовой уже было много командиров. Он заказал обед и сел за стол, положив перед собой свою дневную порцию черного хлеба. До сигнала на обед пищу не выдавали и Бурин, скучая, стал отламывать куски хлеба, смазывать их горчицей и жевать. Так, пока подали борщ, съел весь хлеб, — восемьсот грамм. Заиграл сигнал и Бурин увидел, что по улице между землянками заспешили, перегоняя один другого, командиры. «Вот как резво за шницелями бегут! — подумал Бурин. — А на занятия, — шажком».

После обеда, совершенно неожиданно, получил распоряжение о погрузке роты в эшелон. Приказал сержантам построить людей и через несколько минут рота построилась. Бурин проверил наличие людей по списку, попрощался с пришедшим комбатом и повел людей на станцию.

Уже издали увидел длинный состав теплушек. Остановил роту там, где ее было менее видно с воздуха и пошел к поезду. Возле одного вагона увидел группу командиров и подошел к ней.

— Кажется уже все в сборе, — сказал выделявшийся хорошо сидевшей, сшитой на заказ, формой. — Я назначен командиром эшелона, а вот — он указал на стоящив в стороне трех человек — эти товарищи сопровождают вас.

«Вот, чертей не хватало! — подумал Бурин посмотрев на этих троих и увидев двух политруков и младшешего лейтенанта. — Нас на фронт без оружия, а они, только сопровождают, с автоматами и наганами. Против нас воевать собираются!»

Разместив бойцов в указанных ему вагонах Бурин пошел в вагон для комсостава. Это была тоже теплушка, одна половина которой была занята продуктами, а

в другой разместились командиры. Едва все собрались, эшелон тронулся.

Делать было нечего и Бурин скучал. То и дело вертел папироски, курил. Хотел спросить соседа не знает ли он куда идет эшелон, но подумал, что тот, как и он сам, этого не знает и это, в конце концов, всё-равно: фронт везде фронт.

— Товарищи, — сказал начальник эшелона, — если кто проголодался, берите что кто хочет и ешьте на здоровье.

Все зашевелились и принялись копаться в груде продуктов. Бурин взял банку мясных консервов и занялся открыванием ее перочинным ножом. С трудом открыл наконец, вытащил свою деревянную ложку и хотел достать ею мясо из банки. Не тут-то было. Огромная ложка в банку не входила. Вспомнил басню о лисице и журавле, стало смешно. Спрятал ложку в мешок и принялся выцарапывать мясо из банки перочинным ножом. Вспомнил о бойцах и сказал соседу:

— А как же с бойцами?

— Что с бойцами? — жуя сказал тот.

— Им когда будем продукты выдавать?

— Не знаю. Сегодня они уже пообедали.

Наступал вечер, в вагоне становилось темно. Бурин лег на солому, стал прислушиваться к мерному постукиванию колес и опять ему показалось, что они выстукивают «Ох, как труд-но! Ох, как труд-но!» Потом колеса сбились с такта, стали выстукивать что-то другое, наконец замолчали и Бурин проснулся. В вагоне было уже светло. Поезд стоял. Бурин вылез из вагона. Поёжился от утреннего холодка, огляделся. Поезд стоял в степи, на полустанке. Возле вагонов копошились бойцы, отбегали в сторону «по нужде».

Из вагона вылез начальник эшелона и зашагал к зданию полустанка. Бурин увидел на песке что-то серое, металлическое. Подобрал, осмотрел, — ручка аллюминиевой ложки. Подумал: «Вот хорошо! Из нее я изготовлю себе ложку, вроде чайной». Увидел, что начальник эшелона возвращается из полустанка, спрятал обломок в карман.

— Простоим долго, — подойдя к вагону сказал начальник эшелона. — Выдадим продукты. Прикажите сержантам, чтобы вели людей. По пять человек от вагона, в порядке расположения вагонов.

Бурин пошел к вагонам своей роты, вызвал сержантов, передал им распоряжение. От первых вагонов уже шли за продуктами.

Выдавал продукты младший лейтенант. Каждой пятерке он давал по четыре банки консервов и по четыре десятифунтовых хлеба. В вагонах было по сорок человек, значит на человека приходилось по сто грам консервов и по фунту хлеба. «Почему выдают только завтрак? — подумал Бурин. — Ведь можно было бы сразу на весь день выдать. А, впрочем, может быть так и лучше, а то съедят все сразу, потом будут голодные».

Когда кончилась раздача продуктов Бурин вспомнил про обломок ложки в кармане, нашел подходящий камень и принялся им, вместо молотка, ковать на рельсе ложку . . . В небе гудит. Оторвался от своей работы, посмотрел в холодное небо с высоко-высоко стоящими полупрозрачными облаками. Под ними, почти в них, малюсенький самолет. «Немецкий разведчик, — подумал Бурин. — Да и далеко же от фронта залетел!» — и принялся опять за изготовление ложки. Увлекся своим занятием, стучал и видел как обломок постепенно принимает вид тупоносой чайной ложки.

— По вагонам! — услышал он и, видя что бойцы спешат к вагонам, тоже заспешил к своему. Через несколько минут поезд тронулся.

Все принялись закусывать. Бурин опять взял банку консервов и открыв ее принялся поедать содержимое, вытаскивая его своей самодельной ложкой. Наевшись пристроился поудобнее между стенкой вагона и мешком с чем-то и задремал. Скоро что-то стало его тревожить; он слышал какие-то знакомые звуки, складывающиеся в слова: «Ох, как труд-но. Ох, как трудно». «Это колеса стучат, — подумал он выходя из дремы. — И всегда они мне одно и то же выстукивают. И действительно трудно, всю жизнь трудно. С детства начала судьба мять мою жизнь. Был просто мальчиком, смяла меня революция в «чуждого»; выбился из «чуждых», подумал что выбился, стал было верить, что к счастливому будущему ведет партия народ, стена ростовская, красная с серыми цементными выдавками, что прятала от студентов двор НКВД, придавила. Если простил, даже оправдал, ужасы коллективизации как временное и нужное явление, то не мог ни оправдать, ни, тем более простить, постоянное систематическое угнетение: загоняние в рай палками. И опять стал чуждым. Теперь уже в самом деле чуждым. Только не народу, а его угнетателям: вождям «любимым». Вот еду на фронт без звания. *Они,* наверно, решили: пусть едет так, ухлопают, — и без звания ладно, а будет за нас хорошо воевать, заслужит звание, — тоже ладно. А я постараюсь им никакого удовольствия не доставить: и себя сохраню и за них воевать не стану. Да и не я один такой. Никто за них воевать не хочет. Рыжух сказал от имени всех: «Кричи хайль Гитлер!» Наши газеты Гитлера зверем представляют. А что рассказывал Калошин? Не верит никто нашим газетам. Да и как ве-

рить-то? Немцы культурная нация и не могут быть такими чертями, как их рисуют наши. А если и черти, всё-таки не могут быть такими как наши. Станешь с немцами биться, значит будешь власть Сталина укреплять, а это преступление. Беда только, что люди так сталинцами воспитаны, что трудно разгадать, что они думают. А может быть и не беда, а хорошо это: и сталинцы их не разгадают. Вот, еду на фронт с людьми. Для них я командир, значит, — сталинец. Нет, чепуха, не считают они каждого командира сталинцем, только тех, кто их в бой за Сталина гонит. А ведь и я буду их, в бой гнать . . . а объяснить им нельзя, что вынужден это делать до поры до времени, когда можно будет к немцам перейти. И объяснять не надо, они привыкли, что все кричат о любви к Сталину, сами кричат, когда нужно. А куда нас везут? — переменила направление мысль. — Узнаю, когда поедем от Тихорецка. Мимо него не проедем — узел. А там будет ясно, куда повезут. Во всяком случае буду мимо дома проезжать. Нужно не прозевать. Может быть, если долго простоим в Тихорецке и с матерью повидаюсь, — тут мысль его опять переменила направление. — А что думают сейчас бойцы в вагонах? Наверное уже опять голодные. Я, вот, целую банку консервов съел, а они получили банку на десять человек, — он посмотрел на часы. — Сейчас уже скоро час, пора думать и об обеде для них. Только нужно ждать до следующей остановки. Может быть она скоро будет».

Время подходило к вечеру, командиры уже несколько раз подкреплялись, а поезд не останавливался. Наконец он замедлил ход, задергались на стрелках вагоны. Бурин выглянул, увидел знакомые места и сообразил, что подъезжает к станции Кавказской. «На Кавказской всегда смена паровозов, — подумал он. — На-

верное и мы остановимся. Нужно спросить о выдаче пищи бойцам», — и подойдя к начальнику эшелона сказал:

— Товарищ старший лейтенант, здесь, в Кавказской мы наверное долго простоим. Будем бойцам продукты выдавать?

Тот с удивлением посмотрел на Бурина и ответил:

— А что им выдавать? Они своё уже утром получили!

«Вот так штука! — подумал Бурин. — Я думал, что бойцы только завтрак получили, а, оказывается, это им на сутки. Так они и ноги вытянут», — но ничего не сказал.

В Кавказской простояли почти всю ночь. Бурин спал очень тревожно: боялся проспать свою станицу. Как только подошел паровоз и, прицепляясь, толкнул состав, Бурин проснулся. Едва поезд прошел станционные стрелки Бурин приоткрыл дверь и стал вглядываться в окружавшую предутреннюю серость. Ему казалось, что вот-вот увидит он знакомые места. Но всё сливалось в серую массу, только телеграфные столбы отчетливо выделялись из нее, проплывая мимо. Наконец на востоке заалело, стали видны детали и он узнал вьющуюся серовато-синюю полосу реки. «Челбас! — подумал он. — Тут я уже уток стрелял, значит сейчас и станица будет видна». Не отрывал глаз от текущей мимо вагона и медленно поворачивающейся вдали степи. Наконец увидел: за полосой реки показались маленькие словно игрушечные хатки. «Моя квартира должна быть видна с поезда. Деревья еще голые и не закрывают, — подумал он. — Может быть и мать случайно выйдет. Увижу ее». Впился глазами в домики. Увидел . . . Глаза как-будто приобрели особенную силу. Домик отчетливо виден, но . . . ставни закрыты и во дво-

ре никого нет. Вот уже поезд подходит к дороге, ведущей в станицу, вот она проплыла мимо и домики стали уходить, уменьшаться и, наконец, исчезли, когда поезд вышел на закругление дороги. Тут только Бурин отошел от двери.

Остановились на станции в Тихорецке. Бойцам опять выдали такой же голодный рацион, как вчера. Они только хмурились, получая его. Бурин смотрел на знакомые, родные ему, места и с тоской думал, увидит ли он их еще раз в жизни? Услышал: «По вагонааам!» Блез в свой вагон и, как только состав тронулся, подошел к двери и с напряжением ожидал: куда, на какую ветку пойдет состав. Качает вагон на стрелках, вот паровоз пошел влево. «На Красодар», — подумал Бурин. Из разговоров в вагоне он уже знал, что сейчас самый близкий от них и самый опасный участок фронта — Крым. Слышал он, что оттуда никто не возвращается. «Ну вот, — решил он, — теперь ясно: через Краснодар, Новороссийск в Крым».

Поезд идет мимо работающих в поле баб. Они машут руками бойцам и . . . плачут. Вчера тоже видел Бурин баб в степи, тоже махали они руками, но не плакали. Сегодня плачут, — знают, что едут люди на гибель. Бурин отошел от двери. Тут только он заметил, что сопровождающие вытащили стоявшие раньше у стен вагона мешки и раскрывают их. Бурин удивился, увидев что в мешках колбаса, сахар и чай. А начальник эшелона с самым невинным видом сказал:

— Вот, товарищи, берите себе в запас, что кому нравится.

Скоро вещевые мешки едущих на фронт командиров наполнились. Бурин набрал в свой мешок кускового сахара. Сопровождающие принялись сортировать оставшееся и опять наполнять мешки.

На следующей остановке двое сопровождающих выскочили из вагона, взяли поданные им из вагона младшим лейтенантом два мешка и потащили их куда-то. Через несколько минут вернулись без мешков довольные и веселые.

«Продали, сволочи, продукты, — подумал Бурин, — и радуются. А сделать ничего против них нельзя. Не зря дали и нам наши мешки наполнить. Теперь и мы соучастники. Пожалуйся на них, они открестятся, на наши мешки покажут и нас же расстреляют. А они будут посмеиваться. А может быть, на этой станции начальство с ними заодно? Тогда и совсем ничего не поделаешь. А в моем мешке тоже краденный сахар: у бойцов украденный. Да не я его крал. Я и не знал, что он есть! А всё-таки нехорошо. И . . . ничего не поделаешь. Назад сахар не выложишь. Чёртовы сопровождающие так сделали, что у нас всех без вины рыльце в пушку».

На следующих остановках сопровождающие опять уносили мешки. Бурин смотрел и думал: «Дело у них хорошо организовано. Продуктов вообще очень нехватает, а таких как сахар и достать почти невозможно. Они, наверное, получают за краденные продукты хорошие деньги. И, наверное, делятся ими с соучастниками на станциях и с начальством в лагере. Вот потому на фронт не попадают и на станциях не боятся мешки таскать».

Доехали до Тоннельной и там получили распоряжение выгружаться, так как участок железной дороги между Тоннельной и Новороссийском немцы сильно бомбят. Было приказано двигаться на Тамань пешком. Пока разгрузились стало вечереть и решили переночевать на месте. Бурин повел роту к домам, указанным ему для ночевки, распределил бойцов по отделению в каждом и выбрал квартиру для себя в хорошеньком до-

мике с большой застекленной верандой, где уже поместил отделение бойцов. Хотел было тоже заночевать с ними, но хозяйка, молодая хорошенькая женщина, пригласила его в комнату и сказала:

— Вот, товарищ командир, здесь и переночуете. Мужа нет, он машинист и в поездке.

— А вы?

— Я в кухне переночую, а вы располагайтесь как дома.

При выгрузке Бурин получил ящик с консервами для всех и из остатков бывшего в мешках и, вероятно, предназначавшегося для продажи в Новороссийске, немного колбасы для себя. Теперь он решил раздать бойцам консервы, но едва вышел, чтобы созвать сержантов, как появился один из сопоровождающих политруков. Он стал между бойцами и обратился к Бурину так, чтобы все его слышали:

— Пришел я, чтобы проверить, всё ли бойцам выдано, нет ли жалоб.

Бурина поразило и разозлило нахальство этого человека, разыгрывающего роль заботливого командира, после того, как систематически обкрадывал бойцов.

Бойцы молчали и Бурин подумал, что они понимают игру политрука, но понимают также риск выступить против него. Ничего не сказал и Бурин. Молча указал политруку на ящик с консервами.

После ухода политрука разделил консервы между отделениями.

Бойцы ужинали, хозяйка возилась в кухне, а Бурин, сняв шинель, сидел возле стола и наслаждался уютом. В дверь из кухни постучали.

— Войдите, — негромко сказал Бурин.

Вошла хозяйка, улыбнулась ему и сказала:

— Я знаю, где можно вина купить. Хотите?

— Хочу, — ответил Бурин, подумав, что вино отвлечет от действительности.

— Да только нужно брать целый ящик и . . . дорого.

Бурин имел деньги, так как из полученного комсоставского жалования почти ничего не истратил. Но всё же спросил:

— Как дорого?

Она сказала цену даже и для военного времени головокружительную, но Бурин мог ее заплатить и он сказал:

— Ящик так ящик. Тащите! — отсчитал и дал деньги. Подумал: «А и она хочет заработать!»

— Вино сейчас редкость, — как бы оправдываясь сказала она, — это шампанское.

— Вот и хорошо, что шампанское. А может быть вам помочь нести его?

— Ах, нет. Я сама.

Через несколько минут хозяйка втащила ящик, и не успела поставить, как вошел младший лейтенант из соседней роты.

— Я, — начал он, увидел вино и воскликнул: — У, сколько вина! — попросил: — Уступите мне бутылку!

Получив вино младший лейтенант заторопился уйти.

Видимо он рассказал другим где добыл вино, потому что почти сейчас же после его ухода началось паломничество среднего комсостава к ящику с шампанским. Вскоре осталась одна единственная бутылка.

Бурин попросил хозяйку приготовить ему из имеющихся у него продуктов ужин. Экономить он не собирался и ужин предстоял, по тем временам, роскошный: чай с сахаром, разогретые консервы, колбаса и шампанское.

В комнате было очень уютно, во всем чувствовалась женская забота, по которой Бурин соскучился и когда хозяйка принесла чайник с кипятком, он сказал:

— Ну, хозяйка, может быть вы согласитесь поужинать со мной?

— А почему нет? Сейчас, управлюсь на кухне и приду.

Через несколько минут она появилась со сковородой в руках, на которой вкусно шипела яичница. Не дав Бурину ничего возразить, сказала:

— Яичницу, вы наверно, давно не ели. Это будет моя часть. Ужин вскладчину! — и засмеялась.

— Конечно вскладчину! Только вы говорите о складчине, а для вина только один стакан поставили. Раз складчина, значит складчина.

Она принесла еще один стакан и улыбаясь села за стол напротив него. Он налил шампанское, они чокнулись. Отпив вина она сказала:

— Яичница только для вас, я не хочу. Ешьте прямо со сковорды, горячей будет, а я, — она опять улыбнулась, — колбасой закушу.

Придвинув к себе сковороду, Бурин принялся за яичницу. Съел, посмотрел на хозяйку и сказал:

— Ух и вкусная же яичница! Спасибо вам за нее . . . только, вот не знаю, как вас зовут. Меня — Иваном.

— А меня — Валей.

— Ну вот, Валя, давайте сейчас праздновать!

— Давайте. Хотя сейчас трудно праздновать, а вам . . . — она замолчала.

— Не бойтесь, договаривайте, что мне и совсем нечего праздновать: на фронте — конец. Это вы хотели сказать?

— Да, — тихо и грустно ответила Валя. — Туда идут, а назад не возвращаются.

«Может быть потому, что не хотят возвращаться!» подумал Бурин и сказал:

— Забудьте грустное. Лучше выпьем!

После второго стакана стало веселей. Валя раскраснелась, стала ближе. Бурин почувствовал влечение к женщине. Придвинулся к ней. Валя не отодвинулась, только сказала:

— Мы здесь, а муж на работе, он машинист.

Бурин понял, что она хочет остановить его, но упрямо подвинулся так близко, что коснулся ноги ее и спросил:

— Он когда на работу пошел?

— Вечером.

— Ну тогда он до утра не вернется.

— Почему до утра не вернется? Он может в любой момент вернуться, — словно защищаясь сказала Валя.

— Не может. Я сам железнодорожником был и знаю, как работают машинисты. Раньше утра не вернется.

— А ну вас! — рассмеялась Валя и немного отодвинулась.

Он опять придвинулся вплотную и спросил:

— Боитесь меня?

— Нет, не боюсь. Мне . . .

— Почему вы не договариваете? — спросил он, испугался, что ее ответ может испортить настроение и не дав ей ответить предложил: — Давайте допивать шампанское!

Близость женщины опьяняла сильнее вина. Бурин обнял Валю, притянул к себе. Она не сопротивлялась, только как-то странно, будто жалея, глядела на него. Он, чувствуя теплоту женского тела, совсем опьянел. Выпустил Валю на мгновение из объятий, встал, нагнулся к ней, пропустил правую руку ей под колени,

левой обнял за спину, поднял и, прижимая к себе, понес к кровати. Она тихо, будто моля, сказала:

— А как я буду завтра смотреть в глаза мужу?

Бурин вдруг понял, что она не сопротивляется только потому, что не может отказать идущему на смерть. Остановился, осторожно опустил ее. Она стала на ноги и, вдруг, обняла его и поцеловала материнским поцелуем.

— Жаль мне тебя, Ваня! Всех вас жаль. А ты хороший, пожалел меня.

— И тебе, Валя спасибо!

Утром проснулся и услышал, что в кухне тихо говорит мужчина. «Это муж Вали, — подумал Бурин, — хорошо что не надо перед ним глаза опускать».

На Тамань двинулись пешком. Бурин шел, доставал из мешка сахар и с удовольствием сосал. Только к вечеру добрались до места и Бурин, усталый после марша, едва распределил бойцов на ночлег, лег спать. Разбудил его тоненький голосок, грустно поющий «Ой ты, Галя, Галя молодая . . .» Бурин увидел на фоне серого окна поющую девочку. «Вот тебе и Галя, — подумал он, — и сколько в песне тоски, а в жизни сейчас и еще больше». А голосок уныло выводил: «Подманили Галю, узяли с собою» . . .

* * *

Бурин получил распоряжение вести роту к переправе и там, когда придет пароход, погрузить ее на него. Построил бойцов, повел. К переправе пришли рано: парохода еще не было. Бурин принялся разглядывать пристань. Увидел какой-то памятник, пошел к нему. Не дойдя остановился, потому что дорогу перегороди-

ла какая-то странная колонна марширующая к пристани. Шли люди в черном. Бурин подумал сначала, что гонят арестантов, потом сообразил: трудовая рота, — люди второго сорта, которым не доверяют оружие, но милостиво разрешают гибнуть на фронте при рытье окопов и других работах. В это время увидел, что к пристани подходит небольшой пароход. Заспешил к своим, чтобы не опоздать к погрузке.

Первой грузили «трудовую» роту. Это несколько удивило его, но когда заметил, что их гонят в трюм, понял: набьют ими трюм, тогда, на свободную палубу, будут грузить бойцов. Пригляделся к лицам «трудовых», заметил на них выражение безнадежности и подумал, что если пароход разбомбят, они из трюма и выскочить не успеют. Проглотил трюм последние фигуры людей в черном. На пароход вкатили несколько орудий, укрепили их на середине палубы, вокруг них расположились артиллеристы. Наконец подошла очередь грузиться пехотинцам. Едва рота Бурина оказалась на палубе, пароход отчалил. Бурин стоял на битком набитой людьми палубе, думал что Керченский пролив неширок и плыть долго не прийдется. А если станут бомбить и потопят пароход, можно и вплавь до берега добраться. «А только как же плыть в шинели и ремнях?» — встревожился он. Делая вид, что ему жарко, ослабил ремни, расстегнул шинель. Вспомнил про людей в трюме, посмотрел на стоящих вокруг в застегнутых шинелях бойцов и ему стало стыдно. Застегнул шинель, затянул ремни.

На носу парохода, у зенитки поднявшей ствол к небу, на сиденьи похожем на сидение тракториста и двигающемся вместе с пушкой сидел зенитчик и смотрел в бинокль в небо. «Вот этому, — подумал Бурин, — при опасности нельзя в воду прыгать. Он *должен* защи-

щать нас до последнего вздоха, — все равно любит он или не любит советскую власть».

Немцы, видимо, прозевали пароход. Уже керченская пристань, а их нет. Причалили и быстро выгрузились. И только когда отошли с полкилометра загудело в небе и забухали зенитки. Бурин хорошо видел, как встали по сторонам от парохода фонтаны воды. Было даже видно, как крутилась вслед за самолетами зенитка, с зенитчиком на ней. Самолеты улетели так же внезапно, как и налетели. Стало тихо. Пароход стоял у пристани. «Сейчас зенитчик, наверное, закуривает, дух переводит, — подумал Бурин. — А, может быть, немцы нарочно опоздали, не хотели людей топить?»

В Керчи Бурин получил распоряжение ждать дальнейшие указания. В штабе ему посоветовали расположиться в каменоломнях, где нет опасности с воздуха.

Вел роту по улице Керчи и вдруг услышал детский крик:

— Смотри! Смотри!

Взглянул, увидел кричавшего чернявого мальчишку, а тот продолжал кричать:

— Смотри, смотри! Командир без револьвера!

Бурин посмотрел вокруг, желая увидеть этого командира без револьвера и чуть не плюнул с досады, сообразив, что этот командир без револьвера он сам.

«Вот чёртовы мальчишки! — подумал он. — До всего досмотрятся».

Вышли на окраину. Послышался нарастающий гул. Бурин всмотрелся в небо, увидел идущий прямо на него самолет.

— Воздух! Ложись! — скомандовал он и увидев что бойцы ложатся по обеим сторонам дороги, лег сам.

Самолет надвигается. Вот к его гулу прибавилось шипение. Оно нарастает. Перешло в шипящий свист и

окончилось взрывом, от которого задрожала земля. Бурин увидел, что за домом, шагах в ста от дороги, поднялся черный столб дыма. «Промахнулся, — мелькнула мысль. Посмотрел вверх, увидел раскинутые над головой крылья машины с черно-белыми крестами, похожими на георгиевские. Самолет, пролетев над ротой, не вернулся, скоро исчез в небе.

— Встать! — весело прокричал Бурин и, глядя на домик за которым разорвалась бомба, подумал: «Хороший домик, нас от осколков загородил».

Двинул роту дальше и увидел бойца в сотне шагов от дороги; он догонял роту. «Вот чёрт! — подумал Бурин. — С перепугу куда забежал. Надо его отчитать, как следует». Как только боец догнал роту, Бурин остановил ее, подозвал к себе бойца, сделал ему жесткий выговор и велел стать в строй. Едва двинул опять роту, услышал:

— Подожди, чёртова кукла, дойдем до передовой . . .

Бурин сделал вид, что ничего не слышал и подумал: «Вот, я для них чёртова кукла. Видят они во мне слугу режима. А сказать им, что это не так, нельзя. Того и гляди, что и на самом деле на передовой от них пулю получишь. А что все заодно, — это ясно. Иначе бы сказавшему сейчас же рот закрыли бы».

Дошли до огромной, метров в триста в диаметре и метров пятьдесят глубиной, ямы. На дне ее копошились отдельные бойцы, а в стенах зияли черные отверстия, входы в шахты. Бурин знал, что в этих каменоломнях издавна добывали камень для построек, а недавно, когда Керчь была занята немцами, в них скрывались партизаны.

Спустился с бойцами в котлован. Остановил их у одного из входов в шахты, посмотрел на многометровую толщу камня над входом и подумал, что ее ника-

кая бомба не пробьет. Ввел бойцов в шахту, напоминающую широкий коридор огромного здания, так аккуратно был выпилен камень, и видя, что она пустая, приказал расположиться здесь на отдых и не расходиться по боковым шахтам, которые, как сказали ему, тянутся на несколько километров и где можно легко заблудиться. Посмотрел, как располагаются бойцы и почувствовав голод вспомнил, что нужно идти доставать пищу для бойцов и для себя. Вышел из шахты, увидел какого-то лейтенанта и спросил: не знает ли тот, где получить обед для бойцов.

— Для себя, —ответил лейтенант, — получишь обед в комсоставской столовой. Она вон в том котловане, — он указал рукой, — а для бойцов — спроси в штабе, он там же.

Пройдя с полкилометра Бурин спустился в указанный котлован. Увидел стоящие по обеим сторонам от входа в шахту зенитные орудия и подумал, что тут, наверное, и столовая и штаб. Вошел и пройдя с сотню шагов, попал в столовую. Съев обед подумал, что вряд ли скудность его можно объяснить только тем, что Керчь нужно снабжать через пролив. Закурил, посидел немного наслаждаясь тишиной и сознанием безопасности и пошел в штаб. Там ему сказали, что полевых кухонь нехватает и мало надежды получить горячую пищу. Если он хочет, пусть попытается, когда увидит полевую кухню. Идя из штаба думал, что постарается достать бойцам горячую пищу. Увидел синеватое после электрического света отверстие выхода. Вышел и удивился, что возле выхода валялось множество желтых пушечных гильз. Сообразил, что, значит, был налёт авиации, а в каменоломне он ничего не слышал.

Пришел в каменоломню к роте и почувствовал, что глаза ест холодный дым и в горле першит.

— Товарищ лейтенант, — обратился к нему один из сержантов, — разрешите из шахты выйти. Нет наших сил: ялдаши дымом душат.

— Как так? — не понял Бурин.

— Да костры жгут, а дым по шахте тянет.

— Почему вы не заставили потушить костры?

— Пробовали, товарищ лейтенант. Да с ними беда: в одном месте потушат, в другом зажгут.

— А я вот, сейчас пройду к ним, — сказал Бурин и хотел добавить «посмотрим, как они не будут слушаться», но, вспомнив про мучения с ялдашами в лагере, сдержался.

Чем дальше шел Бурин, тем становилось темнее в шахте и гуще был дым. Бурин кашлял и ругался. Наконец впереди забрезжил свет и он увидел силуэты сидевших у костра людей. Подошел и приказал:

— Немедленно потушить костер!

— Нэ понимай, — ответил кто-то.

«Сволочи! — подумал Бурин. — Только и слышишь от них «нэ понимай», а сами, стервецы, всё понимают». Решил не вступать в объяснения и молча раскидал ногами костер. Идя обратно к роте, почувствовал, что потянуло удушливым дымом. «Опять зажгли, — подумал он. — Вернусь назад, опять «нэ понимай», а стрелять же в них не станешь! Да и не из чего. Да и следует ли стрелять в таких? Они, конечно, нарушители дисциплины, а это-то и нужно, чтобы скорей покончить со сталинским режимом. А я все-таки злюсь на них, на этих ялдашей. До чего человек может двоиться! И не хочу, чтобы была дисциплина, и злюсь, когда ее нет... А всё-таки в поведении этих ялдашей что-то паскудное, чужое. Наши так ломаться не станут, друг друга дымом выкуривать не будут: чувство товарищества есть».

Наконец увидел своих бойцов, подошел и сказал:

— Вот что ребята, тут долго не высидишь. Давайте собирайтесь у выхода.

Через несколько минут Бурин вел роту прочь от каменоломень.

В стороне послышался гул. Бурин уже привык, что летают только немецкие самолеты и стал искать их в небе. Заметил: четыре юнкерса идут стороной.

— На Камыш-Бурун летят, — сказал кто-то.

Опять было два Бурина. Один радовался, что немцы везде наступают, а другой злился и думал: «Как хозяева летают. Чёрт бы их взял! А наши-то где?» И увидел, что голубое небо возле юнкерсов вдруг стало покрываться темно-серыми шарами, число которых очень быстро росло. Один самолет вдруг задымил и пошел вниз. «Сбили, — заторжествовал второй Бурин, — Молодцы зенитчики!» Три юнкерса вылетели из начавших сливаться в одно облако серых шаров и оттуда донеслись звуки разрывов, такие частые, что сливались в один гул.

— Батарея автоматов ударила, — сказал кто-то. — Больше стрелять не будут. Не станут себя показывать

Дорога вела мимо круглого бугра со срезанной верхушкой. Бурин подумал, что там, наверное, тоже котлован и в нем можно прекрасно расположить людей. Бомбой в котлован трудно угодить а с бортового пулемета и вовсе ничего не сделают и решил вести роту к холму.

В холме действительно оказался очень удобный котлован с песчаными стенками, в которых повсюду были вырыты норки для одного-двух человек.

— Вот что, ребята, — сказал Бурин, — вы тут располагайтесь, а я пойду обед добывать.

Пошел к постройкам, возле которых виднелась полевая кухня. Труба ее дымила и Бурин надеялся получить обед. Но когда подошел надежда рассеялась. Повар сказал, что варит пищу для роты, которая дала сухие продукты и чужой роте ничего выдать не может. Увидел другую кухню, пошел к ней, — результат тот же. Изрядно набегавшись пошел в штаб где ему выписали сухие продукты и даже дали распоряжение в склад, чтобы эти продукты там погрузили на подводу и доставили в роту. Пока в складе нагружали подводу Бурин, по комсоставскому аттестату, купил фунт краковской колбасы.

Довольный шагал за подводой. Вот и бугор. Оставив подводу у подножия его, спустился в котлован, вызвал к себе сержантов и распорядился, чтобы они взяли людей, принесли привезенные продукты, разделили их и организовали, пока не стемнело, варку бойцами пищи в котелках.

— А на чем варить-то, товарищ лейтенант? — спросил сержант. — Здесь никакого топлива нет.

Бурин с досады чуть не хлопнул себя по лбу, а сержант добавил:

— Оно, конечно . . . если организовать дров, сварить можно.

— А где можно дрова «организовать»?

— Да я, когда мы шли, тут недалеко место видел, где организуют дрова. Разрешите взять людей и пойти туда.

— Берите людей. Я пойду с вами, — сказал Бурин, подумав что, может быть, прийдется говорить с какимнибудь складским начальником, который не станет и слушать сержанта.

— Вы, товарищ лейтенант . . .

— Ничего, перебил Бурин. — Собирайте людей! — пошел к своему вещевому мешку и спрятал в него купленную колбасу.

Пошли к стоявшему в стороне бугру и когда взобрались на него Бурин увидел полуразрушенные длинные амбары, возле которых с одной стороны копошились отламывая доски бойцы, а с другой — стояла ничего не делая кучка командиров.

— Вы, товарищ лейтенант, идите туда, — сказал сержант указывая на группу командиров. — Вам с нами нельзя.

Не понимая почему ему нельзя идти вместе с бойцами, но чувствуя, что сержант имеет серьезное основание, Бурин пошел к командирам.

Подошел, поздоровался, стал присматриваться. Все стояли так, что остатки амбара загораживали от них работающих на другой стороне его бойцов и смотрели во все стороны, только не туда где работали бойцы. Через некоторое время оттуда появился какой-то сержант. Один из командиров сейчас же заспешил ему навстречу, подошел к сержанту и пошел с ним прочь, а за ними, в некотором отдалении, группа бойцов с досками.

«Ага! — подумал Бурин. — Вот почему мне нельзя идти с бойцами. Приказано карать самым жестоким образом расхитителей колхозного имущества. А хотя эти амбары всё-равно обречены на гибель, они всё-таки колхозное имущество. Неудобно, вернее, очень опасно среднему командиру стоять рядом с ломающими это имущество, а вот стоять в стороне можно и даже полезно: нагрянет начальство, кинутся командиры разгонять бойцов, крик поднимут, поймать никого не поймают, и бойцов от наказания спасут и форму соблюдут».

Приходили за дровами новые группы, отделялись от них командиры и шли к уже стоящим, которые этим

вовсе не тревожились. «Вот если бы начальство появилось, — думал Бурин, — все бы криком изошлись: стали бы бойцов ругать. А и хитро же приказы обходятся! С одной стороны бойцы колхозные амбары ломают, с другой — 'чёртовы куклы' стоят и их охраняют». Увидев появившегося своего сержанта, поспешил к нему. Не стал соединяться с тащившими доски бойцами, помешкал в поле и когда подошел к котловану, там уже дымились костры.

Почувствовав голод направился к вещевому мешку. Развязал его, сунул в него руку, чтобы вытащить колбасу. Нет ее. Не поверил и принялся искать, как иголку. Наконец, понял: украли. Разозлился и выйдя на середину котлована принялся корить бойцов, что пока он для них доставал пищу и дрова, они у него колбасу сперли. Корил и ругался, а бойцы копошились у костров и виновато на него поглядывали, но никому не пришло в голову выдать вора. Зато, когда сварили кашу, принесли котелок с нею Бурину. И каша была вкусная.

Поели, разбрелись по котловану, а многие залезли в норки и уснули. Не прошло и часу, как загудело, забухало. Летели немецкие самолеты, а по ним откуда-то стреляла зенитная артиллерия. Самолеты над котлованом. Для бойцов Бурина они уже не опасны. В небе, возле самолетов, появляются облачки разрывов, высоко в небе. Самолеты уже прошли и вдруг зашумело, заклокотало кругом. Вот боец подскочил, схватился за руку, разразился матом. Другой отскочил в сторону, а возле него что-то плюхнулось в песок. Третий трет рукой ногу и матерится. Понял Бурин, что падают осколки зенитных снарядов. Падают уже бессильные ранить, но бьют больно. Отшипели, отклоктали осколки и стало тихо. Наступили сумерки, пришло распоряжение

вести роту для погрузки на станцию. Когда пришли туда оказалось, что нужно ждать, так как поезда еще нет.

В небе опять гул. «Летят!» — подумал Бурин, прислушиваясь к нарастающему гудению.

— На станции и садануть могут! — сказал кто-то.

— Везде могут садануть, — послышался ответ.

— Конечно, могут везде, — опять первый голос, — а на станции — особо. Только на станции зенитки должны быть. Попрятались зенитчики, стервецы!

И как бы отвечая ему, заухали зенитки, в небе стали вспыхивать и сейчас же тухнуть звездочки и от них тоже заухали разрывы. Самолетов не видно, только звездочки разрывов все ближе и ближе. Вот от земли поднялись вверх струи трассирующих пуль и Бурин подумал: «Сейчас, сейчас! Зашипят бомбы, загремит вокруг смерть!» Ему хочется спрятаться, но прятаться негде да и стыдно перед бойцами. А звездочки вспыхивают уже над головой. «Теперь уже в нас не попадут, если и сбросят, — думает Бурин. — Будут бомбить в другом месте».

Было уже около полуночи, когда пришел санитарный поезд и сейчас же последовало распоряжение грузиться.

— Куда грузиться? — спросил Бурин.

— В поезд. В санитарный.

«Вот тебе раз! — подумал Бурин. — В санитарный поезд! Да это нарушение положений о Красном кресте», но ничего не возразил.

Едва погрузились в вагоны поезда, он, без свистка, тронулся. В вагонах было темно, их покачивало, слышались приглушенные голоса да постукивание колес.

Ехали недолго. Остановились в поле и выгрузились.

Бурин получил распоряжение вести роту в расположение штаба первого батальона отдельной двенадцатой

бригады. В темноте, наскоро, проверил наличие людей и повел. Прошли километра два и Бурин, при свете звезд, увидел что что-то движется навстречу. Остановил роту, приказал сойти с дороги и разглядел легковые машины. Первая машина, поровнявшись с ним, остановилась. Остановились и идущие за ней. Кто-то выглянул из открытого окна. «Наверное какое-нибудь начальство», — подумал Бурин и подойдя к автомобилю сказал:

— Товарищ начальник, разрешите узнать кто вы?

— Командующий фронтом.

Бурин отдал рапорт.

— Поздравляю вас, — громко отчеканил командующий, — с великой честью идти в бригаду, которая скоро будет гвардейской и желаю вам пронести красные знамена через Крым и Украину на Берлин!

— Служим трудовому народу, — нестройно ответили бойцы.

Автомобили уехали. Не знал тогда Бурин, что этот командующий вскоре застрелится, не вынеся разгрома немцами его фронта.

На рассвете Бурин разыскал штаб и получил распоряжение передать людей другому лейтенанту. Тот вышел к построенной роте, проверил наличие людей по списку, а Бурин, попрощавшись с бойцами, вернулся в штаб. Там его увидел комиссар и спросил:

— Ваша гражданская профессия?

— Преподаватель математики.

— Вот хорошо. Нам как раз нужен человек умеющий хорошо считать. Оставайтесь, пока, при штабе.

И Бурин остался при штабе бригады. Дела ему никакого не поручили и от нечего делать он принялся рассматривать расположение штаба разместившегося в нескольких землянках отстоявших одна от другой мет-

ров на двести. В яме, метрах в трехстах, стояла полевая кухня. В километре от землянок увидел хуторок из пяти изб и изумился, что он еще не разрушен.

Приближалось время обеда. К Бурину подошел молодцеватый лейтенант лет двадцати пяти, с ухарски сидевшей чуть ли не на ухе пилоткой. Едва он успел поздороваться, как из землянки вышел писарь и сказал, что можно идти получать обед. Пошли вместе и получив по котелку вкусно пахнущего и дразнящего аппетит борща вернулись к землянке. Расположились в вырытой у входа в нее квадратной яме в рост человека и достав ложки принялись за борщ. Не успели его хорошо распробовать, как услышали приближающийся гул самолетов.

— Налет, — проворчал Бурин. Взял стальную каску и напялил ее на голову.

— А какого чёрта ты каску одеваешь? — сказал лейтенант. — Что она тебя от бомбы спасет, что ли?

— От бомбы не спасет, а вот от осколков . . .

— От осколков, — передразнил лейтенант. — Если от каждого осколка прятаться, так и воевать некогда.

— Ну, тебе некогда, а я время найду.

А в воздухе уже посвистывали и поквакивали падающие осколки рвавшихся вверху зенитных снарядов.

— Я в пилотке себя лучше чувствую, — не унимался лейтенант.

— Ну и чувствуй, — буркнул Бурин поднося ложку ко рту.

— А ты, вот, труса празднуешь, под каской спасаешься . . .

В это время совсем близко зашумело, заквакало и бравый лейтенант вдруг подпрыгнул, затанцевал на

одной ноге, ухватившись рукой за носок сапога на другой.

— Ох ты! — простонал он. — Прямо по пальцам, чёрт побери!

— Пробило сапог?

— Нет, не пробило, а больно . . .

— Больно, — передразнил теперь уже Бурин. — По голове бы стукнул осколок, добрую шишку набил бы, а могло бы быть и хуже. В каске спокойнее.

— Ну, ладно. Торжествуй, — ответил, перестав танцевать, лейтенант. Сделал прихрамывая пару шагов и с неожиданым упрямством добавил: — А каску я все-равно не одену!

«Ну и дурак!» — подумал Бурин, а сказал только:

— Твое дело.

Самолеты пролетели. Осколки перестали падать.

Доели борщ, закурили.

— Что там за хутор? — сказал лейтенант. — Пойдем посмотрим!

— Не хочу.

— Чего «не хочу»? Пойдем!

— А что я там не видел? Не пойду.

— Ну не хочешь, так я сам.

Лейтенант вылез из ямы и зашагал, еще прихрамывая, к хутору. Бурин смотрел ему вслед. Вот он уже у домиков, вошел в первый. И в это время Бурин увидел четверку немецких бомбардировщиков летящую прямо на хутор.

«Вот вляпался лейтенант!» — подумал он и увидел: домик, в который вошел лейтенант, как-то вспучился, приподнялся и развалился послав в небо черное облако дыма. Вспучились, выбросили вверх облака черно-

го дыма и другие домики. Развалины заволок дым. Донеслись буханья разрывов.

Лейтенат из хутора не вернулся.

**
*

К штабу приближалось, в походном порядке, какое-то подразделение, — не больше роты. Бурин приглялелся: оружия ни у кого не видно. Решил, что пришла маршевая рота и, значит, приведший ее сейчас придет в штаб. Рота остановилась, командир ее, действительно, направился к штабу. Бурин стал разглядывать приближающегося. Сначала увидел только, что это рослый и стройный человек, потом, — что он не имеет личного оружия и, наконец, — что он лейтенант.

Подойдя к яме у входа в штабную землянку, где сидел Бурин, он поздоровался и спросил, тут ли находится штаб. Бурин утвердительно кивнул. Пришедший постучал в дверь землянки и вошел в нее. Через минуту писарь позвал Бурина.

— Вот что, — сказал начштаба Бурину. — Пришли новые люди. Комиссар хотел дать вам работу в штабе, но новых принять некому. Примите вы от товарища лейтенанта его бойцов.

Бурину хотелось спросить, почему это нужно обязательно принять новых людей от приведшего их, но сдержался и ответил:

— Есть! Принять бойцов от товарища лейтенанта.

Выйдя из землянки Бурин спросил:

— Вы что, возвращаетесь обратно в тыл?

— Почему?! — удивился лейтенант.

— Да потому, я думал, что вы сдаете бойцов.

— Бойцов сдаю, но это ничего не значит. Нет, я в тыл не возвращаюсь.

Пока Бурин принимал людей, проверял наличие их по списку, подошла еще одна маршевая рота. Ее командир подошел к Бурину, спросил, где находится штаб и направился туда. Приняв роту Бурин, со сдавшим ее ему лейтенантом, тоже пошел в штаб за дальнейшими указаниями.

Возле землянки их встретил новоприбывший и сказал, что получил распоряжение передать свою роту лейтенанту, который сейчас без людей.

Бурин один вошел в штаб. Получил распоряжение явиться с людьми в Особый батальон к командиру его старшему лейтенанту Петрицкому.

Пошел к своим людям. Пока они строились, смотрел, как шла передача людей одним лейтенантом другому и думал: «Значит это не исключение, а правило. Передают людей от одного командира другому, чтобы между бойцами и командирами не было дружеского контакта, чтобы они не могли договориться».

Бурин повел людей в указанном ему в штабе направлении. Через некоторое время услышал беспорядочные одиночные винтовочные выстрелы. Дорога шла на бугор, никого не было видно, свиста пуль не слышно и Бурин не стал останавливать роту. Дошли до вершины бугра и Бурин увидел в лощине группу бойцов. От нее и доносились отдельные выстрелы. Бурин вглядел-ся. Стреляли вверх. Сведя роту с бугра остановил ее, а сам пошел к группе: хотел спросить где найти комбата, да и любопытство влекло узнать, чем там занимаются.

Подошел, спросил первого попавшегося бойца, не знает ли он, где найти комбата.

— Да он там, товарищ лейтенант, возле кучи.

— Возле какой кучи?

— Да возле кучи оружия, там, — и боец указал на середину группы.

Пробравшись к середине группы Бурин увидел кучу винтовок, в которой копались бойцы, а возле нее старшего лейтенанта. Подошел к нему и сказал:

— Товарищ старший лейтенант, я ищу командира особого батальона.

— Особого батальона? Ах да! Я командир этого батальона. В чем дело?

— Командир особого отряда . . .

— Брось, докладывать: мы все *особые* . . . и куча эта, — тоже особая. Привел людей? Тоже особых? . .

Тут только Бурин заметил, что старшией лейтенант не тверд на ногах, глаза его неестественно блестят и говорит он с трудом. «Пьян», — подумал Бурин, а старший лейтенант продолжал:

— Веди людей сюда. Там, в ящиках патроны. Пусть берут. А винтовки в куче разыщут. Понятно?

— Понятно.

— Да, вооружишь бойцов, придешь ко мне в землянку. Вон в ту. Ясно? — и не дожидаясь ответа зашагал прочь.

Вернувшись к роте Бурин подождал пока ушла вооружавшая группа и повел людей к куче. В стороне увидел сержанта возле ящиков с патронами. Остановил людей около него и спросил:

— По сколько патронов на человека?

— По обойме, товарищ командир, — и заметив что Бурин удивленно на него взглянул, добавил: — Только чтобы винтовки попробовать.

Бурин повернулся к бойцам и сказал:

— Получите у товарища сержанта патроны и идите к куче, искать себе винтовки, — и с самому себе неожиданной злобой крикнул: — Марш вооружаться!

Смотрел как стали бойцы подходить к куче, недоуменно смотрели на торчащие из нее покрытые грязью приклады и погнутые стволы.

— Не робь ребята! — крикнул вдруг боец. — Бери «автоматы» из арсенала!

— Не автоматы, а винтовки образца тысяча девятьсот сорок второго года, — модель СН, — сказал другой, вытаскивая из кучи винтовку с согнутым крючком стволом.

— Что за СН? — спросил его сосед.

— Не знаешь? СН — это значит Стреляет Назад, — и со злостью добавил: — Мо-дер-ни-зи-рован-ная, — потом с силой бросил винтовку на землю.

— Внимание! — крикнул Бурин. — Раньше чем стрелять, проверьте, не забит ли ствол.

Бойцы принялись искать более или менее исправные винтовки, очищать их от грязи. Вот один вынув затвор поднял винтовку вверх прикладом и смотрит в ствол. Потом опустил ее, вложил затвор и выдавил из обоймы патроны в магазин. Сосед его сказал:

— Смотри! Не СН ли твоя винтовка? — и засмеялся.

— Не СН, — щелкнул затвором и выстрелил вверх.

Бурин вспомнил, что и у него нет никакого оружия и хотел было начать искать в куче, как один из бойцов подошел к нему с коротким кавалерийским карабином в руках и сказал:

— Вот, товарищ лейтенант, нашел вам.

Бурин поблагодарил бойца, взял карабин, осмотрел его, зарядил и выстрелил вверх, чтобы убедится в пригодности оружия. Видя что все бойцы разыскали себе винтовки, отвел роту к вырытым кем-то неглубоким окопам, расположил в них людей и пошел к землянке комбата.

Когда входил в землянку заметил, что комбат что-то поспешно сунул под ящик, заменяющий стол.

— А, командир особого отряда! — встретил его комбат. — Вооружил людей? Да и сам, вижу, вооружился. По-особенному. Да у нас все особенное: и батальон *особенный,* и отряд твой *особенный,* и оружие *особенное.* Я тебе могу еще один ручной пулемет дать. Пойдешь в склад получишь патроны и его возьмешь.

Комбат замолчал. Молчал и Бурин, думая что на роту полагается не менее дюжины ручных пулеметов, а ему дают один. Хотел уже спросить, но старший лейтенант вдруг заговорил:

— Что так смотришь? Удивляешься? Думаешь, что я пьян? Я, конечно выпил, с досады . . . Прислали на весь батальон полбутылки водки и раздавать нечего. Я бы и тебе дал, да пустая уже бутылка, смотри! — и он вынул из-под ящика пустую бутылку и показал ее Бурину. — Ты бы тоже выпил, если бы знал, что от нашего батальона восемь человек осталось.

— Почему только восемь? — не зная что сказать спросил Бурин.

— Потому, что полегли все. А был действительно Особый батальон: из курсантов военных школ.

И он рассказал Бурину, что немцев из Керчи выбили дессантники: матросы и курсанты военных школ. Выбили и оттеснили почти до Феодосии. Бились с немцами голодные, питались найденной на месте сырой пшеницей; бились и теснили немцев, пока не полегли почти все.

Бурин слушал и думал, что бились потому эти матросы и курсанты, что были оторваны от населения, не знали его теперешних бед, находились под влиянием гипнотизирующей пропаганды.

— Вот как, — кончил комбат. И жалко улыбнувшись добавил: — А тебе я могу еще только карту местности да компас дать. Может пригодятся.

* * *

С тоской смотрит Бурин на бороздящие воздух во всех направлениях юнкерсы. Их много и гул их моторов сливается в вибрирующий рев. Вот один самолет идет прямо на окоп Бурина. Внезапно под ним повисли в воздухе бомбы. Мгновение, казалось, провисели совершенно неподвижно, потом медленно нагнули носы к земле и устремились вниз, на окоп. Бурин прижался к земле передней стенки окопа и ему кажется, что шипящие бомбы падают прямо на его голову. Шипение прервалось и сейчас же по ушам ударили взрывы, задрожала земля. Бурин взглянул вдоль окопа, увидел прижавшихся к его стенке бойцов и... понял, что смерть прошла мимо. Посмотрел вверх, увидел прямо над головой раскинутые крылья с черно-белыми крестами и решил, что этот самолет уже не опасен.

На окоп надвигалось черное облако дыма.

Немцы летают совершенно спокойно: по ним никто не стреляет. Летают низко, ищут цель и, найдя, сбрасывают бомбы. То под одним, то под другим самолетом повисают в воздухе бомбы, чтобы с шипением устремиться вниз.

— Ишь, как огурцы висят, — говорит боец возле Бурина.

«Да, как огурцы, — думает Бурин, — только страшные огурцы!»

На соседний окоп идут юнкерсы. В окопе зашевелились, забегали прячась. «Вот дураки! — подумал Бурин. — Показывают себя немцам». Юнкерсы пролетели

над окопом развернулись и пошли опять на него. Недолетели и под ними повисли бомбы. Еще секунды и задымило загремело в соседнем окопе; полетели вверх комья земли.

Опять летят юнкерсы на окоп Бурина. Зашевелились и его бойцы. «Нельзя показывать себя немцам», — промелькнула мысль и он закричал:

— Не вставать! Лежать смирно! — и заметив что один боец хочет перебежать на другое место, добавил: — Лежи, — застрелю!

Немцы пролетели над затихшим окопом и, вероятно решив что он пустой, бомб не сбросили.

И опять было два Бурина. Один, глядя на уверенно и низко летавших немцев радовался мощи освободителей, другой — злился, что немцы так спокойно летают и думал: «А где же наши истребители? Ни одного нет. Где наша зенитная артиллерия? Нигде ни одна пушка не тявкнет». Вспомнил рассказы о том, что немецкие самолеты бронированные, подумал, что их нужно бронебойными пулями бить; достал обойму патронов с такими пулями, зарядил ими свой карабин и стал ждать. Вот летит юнкерс низко и немного в стороне. Прицелился, выпередил, будто собирается стрелять в утку, и выстрелил. Самолет летит как ни в чем не бывало. Еще раз выстрелил, еще, еще и еще. Юнкерс летит. Посмотрел на бойцов и показалось ему, что их лица ему говорят: «Стреляй, стреляй без толку, пока на нас бомбы навлечешь!» Положил карабин на землю. Постепенно им овладела апатия и он долго лежал ни о чем не думая, пока не услышал, что кто-то крикнул:

— Ребята, обед привезли!

Бурин выглянул из окопа и увидел шагах в трехстах полевую кухню, к которой со всех сторон бежали бойцы. «Какой сумасшедший вздумал прислать ее

днем?» — подумал он и, заметив что и его бойцы зашевелились, закричал:

— Из окопа не вылазить!

Услышал неодобрительное ворчание: люди голодны, а кухня так близко. А возле нее уже много людей. Сбились кучей, не смотрят вверх, а там разворачиваются и идут к кухне юнкерсы. Хочется Бурину крикнуть, предупредить людей возле кухни, да знает: не услышат. Повисли под юнкерсами бомбы, качнулась толпа у кухни и покрылась черным дымом. Растет облако этого дыма, донеслось до Бурина грохотание взрывов. Юнкерсы пролетели над дымом; дым стал качаться, рассеиваться; стало видно пустое черное, как вспаханное, поле.

Бойцы Бурина больше не ворчали.

День клонился к вечеру и Бурин с облегчением думал, что когда стемнеет прекратится бомбежка. Вдруг увидел на горизонте какие-то невиданные им еще самолеты и подумал: «Что-то новое, а летят прямо на нас», но уже отупев от бомбежки юнкерсами не встревожился. А самолеты приближаются, летят низко и широким развернутым строем. И вдруг . . . завыло. Завыло так страшно, что захолодела душа. Невольно прижался к земле будто хотел в нее закопаться и тут сообразил: «Воющие бомбы!» Сразу ослабел страх, но все же казалось, что воющее летит прямо в затылок. Прошла секунда-вечность и забухали разрывы за окопом.

«Перебросили!» — мелькнуло в сознании; посмотрел вдоль окопа: бойцы прижались к земле, впились в нее пальцами. Казалось, они хотят зарыться в землю.

Солнце на закате, в зарозовевшем небе тихо, самолетов нет. Из окопов, вырытых на склоне бугра начинают вылазить люди, идут на бугор и на его вершине садятся, повернувшись лицами в одну сторону. «Что

они хотят делать на бугре? — думал Бурин. — Все в одну сторону повернулись, а теперь кланяются. Да они молятся! Наверное мусульмане». И вдруг увидел в небе одинокий самолет. Он снижаясь пошел на молящихся, из него полетели в них светлячки и послышалось тарахтение. Было странно и страшно смотреть, как огненные струйки трассирующих пуль пронзали молящихся и люди мягко валились на землю.

***

Ночью Бурина вызвали к командиру батальона. Тот, когда собрались все вызванные, сообщил, что получен приказ перейти на другую позицию, на другой берег.

— Перейдем быстро, — сказал он, тут всего от моря до моря восемнадцать километров. Стройте людей. Идти будем в колонне. Да смотрите, чтобы никто не курил!

Когда все построились, в голову колоны на коне выехал командир батальона с розовеющий и временами освещающей его лицо папиросой.

«Вот пьяная скотина! — подумал Бурин. — Приказал, чтобы не курили, а сам впереди всех с папиросой».

Колонна медленно потянулась вдоль фронта, над которым время от времени поднимались осветительные ракеты. На рассвете дошли до моря и остановились недалеко от его берега. Разбрелись по отрытым кем-то неглубоким окопам «с колена». В конце окопа, в котором оказался Бурин была нора, завешенная грязным мешком. Указывая на нее, один из бойцов сказал:

— Сюда, товарищ лейтенант! Тут сможете малость отдохнуть.

Бурин залез в нору на полусгнившую солому, опустил мешок у входа и подумал, что наверное тут спал какой-то командир курсантов, когда они наступали: те-

перь уже мертвый. Стал дремать. Из дремоты вывел гул. Услышал возбужденные голоса бойцов и вылез из норы.

— Смотри! Смотри! Наши!

— А может и не наши!

— Да конечно наши. Не видишь? Ястребки.

Бурин посмотрел в розовое небо: стайками кружились ястребки. «Ну, вот теперь всыпят немцам! — подумал он. — Теперь всыпят!» Но ястребки стали разворачиваться и улетели. Некоторе время в небе было пусто, только слышался гул. Потом из-за горизонта выплыли машины с бело-черными крестами.

Бомбили уже четвертый день. Все привыкли и отупело сидели в окопах. Перед окопом Бурина ровное уходящее к горизонту поле. За этим полем, за горизонтом, «передовая». Вдруг оттуда появляются несколько точек. Точки быстро растут и вот уже видит Бурин, что это грузовики. Прямо по полю пронеслись они между окопами, а на смену им появились легкие танки. Не успели танки пройти мимо окопов, как поле вдали наполнилось маленькими серыми фигурками. «Передовая бежит! — подумал Бурин. — Пехота».

А фигурки увеличиваются и скоро уже кажется, что серая волна катится к окопам. Бурин радуется, что рушится и здесь «несокрушимый» советский фронт и в то же время злится, что пехота бежит назад в советскую власть, вместо того, чтобы уйти к немцам, пойти против этой власти. А волна накатывается, скоро захлестнет окоп Бурина. «Что мне делать? — думает он. — Нельзя сидеть сложа руки. Скомандую, как «железный командир»: бойцы всё-равно не послушаются», — и, как на учении, подал команду:

— По изменникам родины, пятью патронами, огонь!

Затрещали выстрелы, серый поток шарахнулся в стороны и . . . никто не упал.

Серая волна протекла между окопами и потекла дальше. Вдруг увидел Бурин: прямо к окопу бежит небольшая группа. Не успел сообразить, что происходит, как в окоп впрыгнул лейтенант, а за ним несколько бойцов. Тут только разглядел Бурин, что на спинах у них плиты от минометов, а стволов нет. Минометчики прижались к передней стенке окопа. «Они обезумели от страха», — подумал Бурин и ему вдруг стало стыдно за них, вспыхнула злоба к ним.

— А, . . . твою мать! — закричал неистово сержант. — Застрелю гад! — рванув затвор кинул винтовку к плечу.

— Отставить! — крикнут отталкивая винтовку в сторону Бурин и увидя посеревшее от ужаса лицо лейтенанта с гадливостью сказал: — Вон отсюда!

Испуганные и жалкие вылезли минометчики из окопа и ушли за бегущей пехотой, таща на спинах никому не нужные минометные плиты.

Поле перед окопами опустело. Немцев не было.

**
*

Бурина вызвали к командиру батальона. Тот, поздоровавшись сделал торжественное лицо и Бурин подумал, что это не предвещает ничего хорошего

— На тебя, — начал командир батальона, — выпала великая честь особо послужить родине, — посмотрел на Бурина, помолчал немного и продолжал: — В пяти километрах отсюда находится местечко Кошар. По сведениям разведки оно занято немецкими автоматчиками.

Приказано: выбить немцев из Кошара, занять его и удержать до прихода главных сил. Удерживать до последнего патрона, до последнего бойца.

Бурин молчал и думал, что приказ, если его выполнять, равносилен смертному приговору.

Командир батальона, будто поняв что думает Бурин, словно извиняясь сказал:

— Так приказано . . . от меня не зависит. А ты смотри, тебе будет виднее. Да, чуть не забыл, людей получишь новых. Подожди, сейчас вызову младшего лейтенанта. Он тебе сдаст людей и примет твоих.

Новый отряд Бурина состоял из двух взводов: взода автоматчиков и взвода стрелков. Во взводе автоматчиков было только семь автоматов, а в стрелковом взводе — только один ручной пулемет.

«Да, — думал Бурин, — с таким вооружением много не сделаешь! Ишь ты, какая великая честь идти на верную смерть за «великого»! Надо постараться *им* этого удовольствия не доставить».

Решив, что нужно сообщить комбату о недостаточности вооружения, пошел к нему.

Выслушав Бурина комбат сказал:

— На нет, суда нет. Негде взять оружие. И то тебе автоматчиков дали. Да обещали, так как твой отряд особого назначения, прислать с политруками еще оружия.

— Как так «с политруками»?!

— Да политрук и помполит с тобой пойдут. Подождем их, узнаем что они об оружии скажут.

Вскоре появились политруки. Оба с автоматами на груди и наганами на поясе. На вопрос комбата об оружии, политрук ответил:

— С нами присланы патроны и ручные гранаты, а позже должен пулеметный взвод подойти.

— Когда «позже»?

— Наверное ночью.

Вернувшись к бойцам Бурин приказал раздать патроны и гранаты. Себе тоже взял две ручные гранаты.

Объяснил бойцам задание, посмотрел на их угрюмые лица, хотел уже двинуть отряд вперед, но политрук сказал:

— Подожди, мне нужно узнать сколько членов партии и комсомольцев в отряде, — и не дожидаясь согласия, приказал: — Члены партии поднять руки!

Стоявший впереди толстый сержант поднял руку и в строю поднялось еще четыре руки.

— Опустить руки! — опять скомандовал политрук и добавил: — Комсомольцы, поднять руки!

Поднялась дюжина рук, довольно равномерно распределенных в строю. Бурин заметил, что и сержант отделения, в котором был ручной пулемет, поднял руку. Опять приказав опустить руки, политрук сказал Бурину, что ему нужно поговорить с членами партии и комсомольцами.

Приказав коммунистам и комсомольцам идти за собой, политрук пошел в сторону.

Бурин, глядя на политрука, остановившего шедшую за ним группу и что-то им говорящего, думал: «Вот, втолковывает им, чтобы следили за полулюдьми беспартийными».

Когда коммунисты и комсомольцы вернулись, Бурин двинул отряд на Кошар.

Пройдя несколько километров по черной и липкой грязи, из которой трудно было вытаскивать ноги, увидел серые людские фигурки, копошащиеся в поле, а за ними, километрах в двух, местечко.

«Это дожен быть Кошар, — подумал Бурин. — Непонятно только, что тут эти бойцы делают». Остановил

отряд в ложбинке и пошел, чтобы узнать, что за часть тут. Услышал оклик:

— Эй! Подожди. Ты куда?

Остановился, увидел спешащего к нему политрука.

— А вон туда, где чужие бойцы.

— Подожди, пойдем вместе.

Политрук позвал помполита и они вместе с Буриным зашагали по полю.

— Какой части? — спросил Бурин первого попавшегося бойца.

Тот посмотрел на Бурина, потом на политруков и ответил:

— Восемьдесят третьей бригады.

— Где командир?

— А вон там, — указал боец на группку людей, шагах в трехстах.

Бурин, с политруками, направился к группке. Подойдя увидел капитана, представился ему и спросил:

— Что вы тут делаете?

— Отошли от Кошара и окапываемся.

— Как?! Всей бригадой отошли?

— Ну да, всей «бригадой».

Бурин заметил, насмешливо грустный оттенок, с которым капитан произнес слово «бригада», подумал, что из людей раскиданных по полю едва ли можно собрать хороший батальон, но сказал:

— Вы, вот, целой бригадой от Кошара отошли, а мне приказано с кучкой людей брать его.

— Ну, не так уж и страшно. Мы «бригада», а вы «особый отряд», — с иронией сказал капитан.

— Что же мне делать? — сказал недоуменно Бурин и тотчас же понял нелепость вопроса.

— Имеете приказ, — выполняйте!

Бурину показалось, что в этом ответе есть что-то двусмысленное.

Вернувшись к своим посмотрел на копошащихся в балке людей, хотел написать и послать в батальон донесение, что остановился под Кошаром и просит подкрепление. Потом решил, что это не имеет смысла и скомандовал:

— Встать! Вперед!

Едва отошли от балки метров двести, как в ней поднялись столбы дыма и забухали разрывы.

«Слава Богу, — подумал Бурин, — вовремя ушли!»

В Кошаре незаметно никакого движения. Бурин остановил отряд, разделил его на две группы и приказал:

— Первой группе, попарно, двигаться к Кошару! В случае обстрела немедленно залечь и ждать подхода остальных. Первая пара, вперед!

Пары, метрах в ста одна за другой, медленно идут к Кошару. Бурин впереди второй, большей, группы, а сзади всех политруки. Вот первая пара подходит к передним домам. Залегла, осматривает их. Поднялась, вошла в селение, за ней — вторая. Тихо. Наконец по цепочке передали: «Немцев нет».

«Вот и взял я Кошар, — подумал Бурин. — Бывают чудеса на свете. В бой послали, а биться-то не с кем. От кого же бригада отошла?!»

Вошел в Кошар, — остановил бойцов на окраине и послал отделение осмотреть местечко. Через некоторое время отделение вернулось и сержант доложил:

— В местечке никого нет. Нашли другое, товарищ лейтенант, — склады наши, брошенные?

— Какие склады?

— Да продуктовый, обмундировочный и радио. Да только продуктов, кроме муки и соли, никаких.

Бурин решил посмотреть, что есть в складах и пошел вместе с сержантом. Вошли в продуктовый склад: картина полного разгрома. Везде пустые водочные бутылки, опрокинутые и разбитые ящики.

«Вот, наверное, и отошли потому, что склады разграбили, — подумал Бурин. — Теперь взятки гладки, доказывай, что немцев тут не было и видно!»

Мысли его прервал боец, доложивший, что политрук требует его к себе.

— Где он?

— В ста метрах впереди, товарищ лейтенант.

Бурин подумал, что пока шли к Кошару политрук был сзади всех, а теперь впереди объявился, и вышел из склада.

Увидел стоявшего у стены белой хаты политрука и еще не дошел до него, как тот закричал:

— Почему не двигаешься вперед? Расстреляю!

Злоба охватила Бурина. Комок подкатил к горлу и охрипшим голосом он сказал:

— Расстреляешь?! Да я тебя . . . тут скорей расстреляю! Не ори! Понял?!

И тот понял; сжался, будто уменьшился в росте, и, успокаивающе сказал:

— Да ты, не горячись! Я это так . . .

— То-то, так, —перебил Бурин. — В другой раз, чтобы не было так. Думай, что говоришь!

Бурин прошел через все селение и вышел на его противоположную окраину. Перед ним растилалось зеленое поле с отчетливо видными на нем желтыми глиняными брустверами окопов. Немцев не видно.

Подозвал к себе сержанта и распорядился, чтобы бойцы готовили себе пищу из муки, что осталась в складе.

— Да приготовить-то трудно: топлива нет. В хатах ни дверей, ни окон, ничего горючего. Только в радиоскладе... — сержант замялся.

— Что в радиоскладе?

— Да батарей там много, смоляные, хорошо гореть будут. Если разрешите, можно пышек напечь.

Бурин подумал, что все равно эти батареи обречены на гибель и сказал:

— Ладно, топите батареями, — тут же испугался, что могут приписать вредительство, но не вернул уходящего сержанта.

Скоро из труб уцелевших хат заструился дым. Горели дорогие батареи, которые перед войной так трудно было купить для радиоприемников.

— Товарищ лейтенант! — окликнул Бурина сержант, выйдя из соседней хаты. — Идите пышки есть. Не пышки, а одно удовольствие.

Бурин ел испеченные прямо на ржавой плите подгорелые лепешки и ему казалось, что таких вкусных он еще никогда не ел.

Перестал идти дым из труб, кончилось печение лепешек. Бурин вышел из селения осмотрел отрытые в поле перед ним окопы, нашел и окоп служивший раньше командным пунктом. Велел вести бойцов к окопам. Когда все собрались, распределил бойцов по окопам и занял вместе с политруками и двумя связными командный пункт. Потом приказал оставить часовых, а всем остальным разрешил выйти из окопов. Пошел в вещевой склад. В длинном каменном строении, очевидно бывшим раньше колхозным коровником, все было завалено обмундированием и Бурину пришлось топтать его грязными сапогами. В кучах вещей уже рылись бойцы, разыскивая подходящую одежду. Каждый вытаскивал то или другое, прикидывал, — подходит ли

и если решал что не подходит бросал под ноги, топтал и марал сапогами брошенное, искал другое. Полез на гору вещей и Бурин. Разыскал в ней новую сухую одежду для себя, набрал какой попало одежды, чтобы сделать из нее постель.

В одной из крайних хат расположился на ночлег, вместе с политруками.

Переодевшись в принесенную сухую одежду, разостлал остаток ее на полу, лег, укрылся шинелью и скоро заснул. Проснулся от треска выстрелов. Выскочил из хаты, кинулся к окопам, где трещали винтовки и огни выстрелов на мгновение вырывали из темноты часовых. Сообразил, что стреляют только они. Подбежал и крикнул:

— Почему стреляете?

— Политрук приказал.

— Прекратить огонь!

— Слушай, я ... — начал было появившийся политрук, но Бурин оборвал его:

— После! Идем в хату.

Придя в хату раздраженно спросил:

— Что за фантазия приказывать стрелять, когда никакого противника нет?

— Я думал, что темно и лучше стрелять, чтобы немцы боялись.

— Какие немцы? Которых нет? Ты, лучше, без меня не командуй. Понял? — и не ожидая ответа, кончил: — Давай спать!

Не успел Бурин заснуть, как его опять подняли: прибыл обещанный пулеметный взвод. Выйдя к нему Бурин увидел, что он состоит только лишь из двух отделений, вместо четырех. Указав сержантам где установить пулеметы, приказал им оставить часовых у пулеметов и вести бойцов на ночёвку в рядом находя-

щуюся хату. Пошел тоже спать.

Утром пошел, чтобы посмотреть как расположены пулеметы и увидел: они стоят с дулами поднятыми вверх. Удивленный, спросил сержанта:

— Почему пулеметы в небо смотрят?

— Да они не опускаются, товарищ командир.

— Как так не опускаются?! Испорчены, что ли?

— Не знаю, товарищ командир. Только не опускаются.

Бурин подошел к пулемету и без всякого труда привел его в нормальное положение.

— Да вас обучали, как пулеметчиков?

— По одному патрону дали стрельнуть, товарищ командир.

Бурин вызвал к себе всех сержантов, спросил: кто из них умеет обращаться со станковым пулеметом. Таких оказалось трое. Двух он назначил командирами пулеметных отделений.

— Немцы идут! — закричал один из часовых.

Бурин приказал занять окопы, а сам отправился на свой командный пункт.

Далеко впереди показались маленькие фигурки немцев, рассыпались по полю и исчезли в зеленой траве. Было тихо, неверилось, что тут передовая линия фронта. Бурин посмотрел на политруков, занявших ячейки справа и слева от него в передней стенке командного пункта; достал свои ручные гранаты, заложил в них детонаторы и положил возле себя. «Вот, теперь буду ждать немцев, — подумал он. — Когда подойдут, брошу гранаты в политруков, отделаюсь от них. Потом можно будет и в плен сдаться. Нужно только ждать, не поспешить, дать немцам себя обойти, а то еще нарвешь-

ся на заградиловку. А сейчас нужно что-то делать, чтобы политрукам втереть очки». Взял у связного его автомат, высунулся из окопа и дал очередь в небо. В соседних окопах тоже выстрелили несколько раз. Немцы помолчали немного, потом несколько их пуль прошипело над брустверами и опять стало тихо.

Слева Бурин видит окоп занятый отделением толстого сержанта коммуниста. Вокруг окопа желтая глина. Из окопа, как медведь, лезет толстый сержант. Вылез на глину, лег и стал на ней почти незаметен в своей пожелтевшей шинели.

«Зачем он вылез? — подумал Бурин. — Что он хочет делать?»

Стал наблюдать. Прошло несколько минут, сержант осторожно поднял винтовку, прицелился. Винтовка толкнула сержанта, треснул выстрел. Сержант опустил винтовку и крикнул:

— Один Фриц готов!

«Ага! — подумал Бурин, — Он охотится на немцев». Стало жутко от сознания, что так дешева человеческая жизнь, что можно на людей охотиться со скуки. И никакого геройства в такой охоте нет. Подумал о геройстве и вспомнил недавно прочитанный в газете очерк. В нем описывался геройский поступок младшего лейтенанта танкиста. Этот танкист получил приказ форсировать реку и выбить немцев с другого берега ее. Подъехав к реке, покрытой тонким льдом, младший лейтенант увидел, что она глубока. Стал искать брод, не нашел и, законопатив все отверстия в танке, поехал в реку. Танк почти скрылся в воде, только башня торчала из нее. Вдруг танк закрутился на месте: работала только одна гусеница. Младший лейтенант остановил машину, вылез из башни и, стоя по горло в ледяной воде, нашел и устранил повреждение. Танк вышел на другой

берег и открыл огонь. За ним перешли реку и другие танки группы младшего лейтенанта и тоже открыли огонь. К танкам, через реку, подошла пехота и под их прикрытием двинулась вперед. Немцы были отбиты, приказ выполнен. Младшему лейтенанту присвоили звание героя Советского Союза. Вспомнил и подумал: «Герой или не герой этот младший лейтенант? — вопрос спорный. Может быть он потому только и поехал через реку, что не было выхода: сзади заградители гнали и, главное, гнал идиотский приказ — боевой приказ, — а за невыполнение такого приказа — расстрел. И некуда было податься несчастному младшему лейтенанту, невольно стал героем. А вот *эти*, которые нелепые приказы отдают, *эти*, безусловно, преступники. Как можно приказывать форсировать реку, если она слишком глубока для танков? Ведь нужно было сначала обеспечить переправу, а потом приказывать переправляться. А может быть и тот кто приказ отдал не имел другого выхода? Так, оправдывая, можно подниматься все выше и выше, может быть и до маршалов. А вот самые высшие... этих не оправдаешь. Это их «Правда» печатает такие очерки из которых ясно что они ни во что не ценят жизни человеческие. Нужно было бы писать о преступниках погнавших в ледяную воду сначала танкистов, потом, за ними пехотинцев, вместо того, чтобы организовать переправу: построить понтонный мост или, хотя бы, дать надувные лодки».

Мысль прервали выстрел и сейчас же последовавший выкрик сержанта:

— Еще один Фриц!

Теперь уже немцы ответили. По всему полю зашипели пули и на гребне бруствера окопа Бурина запрыгали фонтанчики земли. Сержант сполз в окоп. Бурин высунул дуло автомата из окопа, нажал на спуск

и, пустив струю пуль в небо, опустил автомат и дал очередь параллельно земле. На окраине селения затрещали станковые пулеметы. Немцы прекратили огонь. «Они тоже не хотят зря рисковать, — подумал Бурин. — Не высовываются под пули, попрятались».

— Слушай лейтенант, — сказал политрук, — мы пойдем собирать тех, которые в тылу попрятались.

«Ишь, как быстро ему в тыл захотелось!» — подумал Бурин, и сказал:

— Ладно, идите! Я сейчас еще стрельну, чтобы немцы в вас не стреляли, — и опять высунул дуло автомата из окопа.

Бурин дал несколько очередей из автомата, пока политруки уползли.

Оставшись без политруков Бурин почувствовал облегчение, что не надо будет бросать в них гранаты. Теоретически это было бы очень просто, а как бы было на практике Бурин не знал. Может быть и не поднялась бы рука.

Увидел какую-то серую от дождя и грязи бумажку, поднял ее и прочел: «Боец Красной армии, переходи к нам! Мы воюем не против тебя, а против большевиков. У нас можешь выбирать, что делать. Если твоя территория уже занята нашими войсками, ты можешь идти домой. Если твоя территория еще под властью большевиков, ты можешь получить от нас оружие для борьбы с ними, или — работу у нас».

«Я возьму оружие», — подумал Бурин.

Немцы внезапно открыли огонь.

«Нужно посмотреть, что делается в поле», — решил Бурин и медленно-медленно, чтобы движение не было заметно, стал высовывать голову из окопа. Вот край каски на уровне верха бруствера, еще выше и Бурин увидел поле, пустое, как казалось, поле. Вдруг в

правую щеку ударили комочки земли, в ухе зазвенело. Бурин посмотрел направо, увидел вспрыгивающие на гребне бруствера фонтанчики земли, понял что их поднимают пули, но страха не почувствовал. Вдруг увидел: справа обходит взвод немцев. Это не испугало, а обрадовало: можно будет не опасаться заградиловки, если немцы зайдут в тыл. Опустился в окоп. Мысль быстро работала: «Будут немцы и спереди и сзади, можно будет перейти к ним. А вот, не будет ли беды от того сержанта, который охотился на немцев? Он коммунист . . . ничего не значит. Никто не хочет биться за Сталина. Но я должен до конца играть роль «преданного власти».

Увидел, что из окопа толстого сержанта начинают вылазить бойцы. Погрозил им автоматом и они сползли обратно в окоп. Подумал: «Пулеметчики должны хорошо видеть обходящих нас немцев, а они не стреляют. Почему? Не хотят или ждут приказ? Нужно узнать».

— Беги узнай, почему пулеметы не стреляют, — говорит он связному.

Тот испугано смотрит и говорит:

— Убьют, товарищ лейтенант!

— Не убьют. Я из автомата стрелять буду, они попрячутся. Беги! — и Бурин дал пару очередей из автомата.

Немцы, как по команде, перестали стрелять. Связной выскочил из окопа и пригибаясь побежал, а Бурин, следя за ним, посылал в сторону немцев очереди. Вот боец добежал до пулеметов, забежал за стену хаты и сигналит оттуда, что пулеметы испорчены.

«Это хорошо, значит пулеметчики не хотят стрелять», — констатирует Бурин, видит, что обходящий взвод вдруг стал невидим, но, желая узнать как будет себя вести сержант комсомолец, кричит:

— Ручной пулемет, по обходящему противнику, огонь!

— Пулемет испортился, товарищ лейтенант! — кричит в ответ сержант комсомолец.

«Ну вот, и этот не хочет за Сталина воевать», — с удовлетворением подумал Бурин.

Толстый сержант коммунист опять лезет из своего окопа. Вылез и пополз к командному пункту. Дополз и кряхтя спустился в него. Отдышался, посмотрел вопросительно на Бурина и сказал:

— Что будем делать, товарищ лейтенант?

Бурину хочется ответить: «Будем сдаваться», но он думает, что еще рано откровенничать и говорит:

— Приказ знаете?

— Знаю, — с недоумением отвечает сержант.

— Ну а если знаете, нужно его выполнять.

Сержант смотрит на Бурина и тому кажется что во взгляде его сначала недоумение, потом понимание.

— Вы, вот, наверное проголодались, — говорит Бурин. — Там лежит хлеб и рыба — политруки оставили — закусывайте.

Сержант улыбнулся и взял предложенное. Поел, поблагодарил и уполз в свой окоп.

По полю уже совершенно открыто ходят немцы. В них никто не стреляет. Метрах в восьмистах устанавливают пушки. Вот один немец идет по полю к воронке, метрах в ста от Бурина. Дошел, залег в ней и начал стрелять. Пули посвистывают над головой Бурина. Немца можно легко заставить спрятаться, но в него никто не стреляет, а он, словно вызывая к действию, систематически шлет пули.

«Теперь пора!» — решил Бурин и поднял приклад автомата над окопом. Подождал немного: немец не стреляет. Никто не стреляет. Встал. На поле в выжидатель-

ных позах, с винтовками опущенными дулами вниз, стоят немцы. Бурин демонстративно положил автомат на бруствер и вылез из окопа. «Теперь — пан или пропал, — подумал он. — Или все пойдут за мной или . . .» и увидел, что связной лезет вслед за ним из окопа. Пошел по полю ожидая, что вот-вот ударят в спину пули. Увидел: из окопов, без оружия, вылазят бойцы. От сердца отлегло. Посмотрел в сторону немцев; они стоят совершенно спокойно. Остановился. Бойцы идут к нему.

Все собрались и без всякой команды построились сзади Бурина. Он опять пошел вперед и все двинулись за ним. Немцы не вмешивались.

Пройдя шагов сто, Бурин снял с головы стальную каску и швырнул ее на землю. Бойцы, видимо, восприняли это, как жест отчаяния: советская пропаганда толковала, что немцы расстреливают комсостав. Бурин услышал голос толстого сержанта:

— Ты, командир не бойся! Мы не скажем.

«Мне-то бояться нечего, — подумал Бурин, — а вот тебе, коммунисту . . .» и ничего не ответил.

Дошли до устанавливаемых немцами пушек. Артиллеристы смеялись, махали руками, как друзьям. Показывали, куда идти.

Прошли еще несколько километров, подошли к какому-то селению и увидели на его окраине толпу бойцов. «Да тут целый полк наберется! — подумал Бурин. — Откуда их столько?!»

Подошли к толпе и присоединились к ней.

В стороне стояли, подняв дула вверх, зеленые немецкие пушки. Возле них сновали чистенькие солдаты и стояла группа офицеров. Бурина удивило, что они выглядят так, будто на парад собрались: фуражки с серебристыми украшениями, чистые шинели, начищен-

ные до блеска сапоги. Посмотрел на свою облепленную грязью форму и подумал, что в армии свободной страны и люди выглядят иначе.

— Смотри, Иван, — говорит приятелю молодой боец, — у них прически с проборами, под польку, а нас как арестантов окарнали.

— Да мы и были, считай, арестантами.

— Теперь уж не будем! Хватит!

Свечерело, понемногу все успокоились и прямо на земле улеглись спать.

Первые лучи солнца разбудили Бурина. Поеживаясь от холода он огляделся, увидел немецкие пушки и с удовольствием подумал, что вырвался на свободу. Вскоре все зашевелились, задвигались по площади. Бурин решил, что нужно узнать куда идти теперь, и пошел к пушкам. Пожалел, что мальчишкой отлынивал от изучения немецкого языка. Подошел к немецкому офицеру и, помогая себе жестами, спросил, куда теперь идти. Немец, сначала не понял, потом сообразил и ответил, что нужно идти в Феодосию.

Вернувшись к своим бойцам Бурин сказал им что узнал от немца и, опять без команды, бойцы стали в строй. Когда двинулись, Бурин увидел, что следом потянулись и остальные. Вскоре колонна приняла походный порядок. Глядя на нее Бурин думал, что в ней не менее трех тысяч человек.

Вдали уже видна окраина Феодосии. Что-то движется навстречу колонне по дороге идущей оттуда. Бурин всматривается. Наконец разобрал: мотоциклеты с прицепами. Вот они подъехали ближе. Можно разглядеть что на прицепах укреплены пулеметы, а за ними и за рулями мотоциклетов люди в немецкой форме, но с металлическими нагрудниками, болтающимися на цепочках. Мотоциклеты, подойдя к колонне, разделились на

две группы и поехали по полю по обе стороны от нее.

Из колонны, по естественным надобностям выходят люди и . . . — у Бурина захватило дыхание, — с прицепок раздались пулеметные очереди. Несколько человек упало, один бежит к колонне, зажимая рукой кровоточащую рану на плече.

«Страшное недоразумение, — мелькает в уме Бурина. — Ведь мы идем добровольно!»

Он ошибся. Недоразумения не было.

Немцы со стальными нагрудниками на цепочках были полевой жандармерией, называемой, как потом узнал Бурин, даже немецкими солдатами «Кеттен Хунде», то есть цепными собаками.

«Кеттен Хунде» взяли колонну в плен.